

ВАЛЕРИЙ БАННЫХ

16+

ВОКРУГ САМОТЛОРА

и другие рассказы

Валерий Банных

**Вокруг Самотлора
и другие рассказы**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Баннх В. Б.

Вокруг Самотлора и другие рассказы / В. Б. Баннх — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Автор прожил в емком и содержательном отрезке времени — от брежневских времен до сегодняшних. В доверительно-ироничной манере в своих повестях и рассказах он переносит читателя в различные уголки нашей страны и зарубежья, где множество событий и встреч с интересными людьми. Содержание этой книги можно охарактеризовать как мемуарная проза. В качестве иллюстрации на обложке книги использована фотография озера Самотлор из личного архива автора.

Содержание

Мои автомобили	5
Часть 1. Жигулята	5
Кем, где и как?	5
Бесценное приобретение	6
Бесценный опыт	6
На «ласточке» по СССР	8
В комиссионку ее!	11
А подумав – возвращались	11
Два преступления	12
Увы, форсмажор!	14
Часть 2. Иномарки	15
Подъем или падение?	15
За спотканья!	16
На «загнивающим» Западе	17
Брюсселцы, полет над Антверпеном	19
Париж	21
Братья славяне рядом	23
В заключение – позитив	27
Вокруг Самоглора	29
Охмурили	29
План – закон!	32
С кем поговорить?	34
Дерсу Узала – Саша	35
Работа и люди – все родное душе	37
Так выглядит счастье	40
Но, редиска звала	43
Другая работа, с тем же запахом	44
Хорошую штуку придумал Сикорский	47
Очень ценная вещь	48
Меньшие братья наши	50
Кеша	51
Ферри	52
Барсик	53
Щенок	54
Грэй	55
Назидательная история	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Мои автомобили

Часть 1. Жигулята

Кем, где и как?

В советском прошлом слово «автомобиль» употреблялось редко, говорили: "Машина!", и не в смысле – механизм, а в смысле – транспортное средство. Машина была и есть особая и важная статья в жизни мужчины, как у девушек украшения – дело известное. Помню, в пятидесятые годы отец прошедший немецкий плен, плакал и говорил друзьям:

- Вы можете себе представить, что у них машины цветные?
- Как это цветные? – спрашивали собутыльники.
- Да вот так! Разноцветные они, – отвечал он, рыдая от обиды за державу.

Лет через десять «цветные» авто появились и у нас. Основных вариантов было три: «Москвич», понемногу сдававший позиции «Жигулям». Собственно «Жигули» и, наконец, практически недостижимая для рядовых граждан «Волга». "Запорожца" – опустим.

Отвлекусь на два курьезных воспоминания.

На старшем курсе (1974 г.) студент нашей группы, благодаря родственникам из обкома партии, побывал в капстране, да еще в ФРГ. Мы гордились, что знакомы с ним и можем запросто общаться. Имел он репутацию серьезного человека, но некоторые его рассказы о "загнивающем Западе" вызывали большие сомнения. Посудите сами! "В Германии запросто, в любое время (*т. е. и ночью?*) можно приобрести десятки сортов пива, а машины продаются совершенно свободно", – рассказывал он. Это явный перебор! Мы догадывались, что за бугром живут хорошо, но не до такой же степени!

А спустя пару лет мы с женой попали в Прагу (*не ФРГ*), и вот уже я казался собеседникам слегка тронувшимся, когда с воодушевлением повествовал: "В огромном магазине, на первом этаже, стоит шикарная «Шкода», и любой посетитель может купить ее, в любое мгновение, даже в кредит".

* * *

О чем же мечтали мы в те годы? Только о подержанном авто. Улицы были заполнены такими чадящими машинами. Бедные клапаны которых готовы были выскочить из под клапанной крышки, а прогоревшие выхлопные трубы издавали специфический рык. Вдобавок, такой автомобиль мог внезапно "упасть на три ноги", сломав шаровую опору. При этом даже до полусмерти потрепанный жигуленок стоил около шестидесяти заработных плат ведущего инженера, и немногие из нас надеялись когда-нибудь воплотить свою автомобильную мечту в жизнь. Когда же мимо нас почти бесшумно, как мы думали тогда, проезжал автомобиль без хвоста черной копоти, мы оборачивались завистливо говоря: "Смотри, смотри! Новая!"

Бесценное приобретение

Задумаете спросить, зачем мне в те годы понадобилась машина, отвечу: "Тщеславие? Да. Самоутверждение? Да. Возможность путешествовать? Да. Наконец, наслаждение от самого процесса вождения – эйфория свободного движения".

Для реализации моей автомечты требовалось кардинальное решение, и оно было найдено – работа на Севере, освоение самотлорского месторождения нефти. С годовалым ребенком мы поселились в вагончике с «буржуйкой» (дрова для нее я рубил кубометрами – огонь упустить было нельзя, на улице страшный холод), воду возили санками в молочных бидонах. При этом оба с женой умудрялись работать: я – прорабом, она – моим мастером. Заработная плата в три, а затем в пять раз выше, чем дома. Деньги накапливались тем более легко, что тратить их здесь было практически не на что: выбора промышленных товаров нет, электроэнергия, вода, коммунальные услуги, вернее их отсутствие, бесплатны.

В первый год мы не использовали свой отпуск. Зато на следующий выехали на "большую землю" на семьдесят два рабочих дня и с пухлой пачкой денег. Мечтали: "Вот она, МАШИНА, в кармане!" Прилетели в Ленинград и, совершив все стандартные экскурсии, оказались, наконец, на авторынке. Никаких сомнений при выборе первого автомобиля не возникало. Критериев всего два: у меня – модель «жигули-тройка» и приятный в общении продавец, у жены – красивый цвет. И все сошлось сразу. Продавец показался милейшим, интеллигентнейшим ленинградцем.

– Машина замечательная. Не нарадуюсь. Да и ездил мало – только на работу. Вовремя обслуживался в автоцентре. Ты же знаешь, Ленинградский автоцентр лучше Тольяттинского, тем более Московского, – убедительной скороговоркой говорил он. – Только суровые жизненные обстоятельства вынуждают меня расстаться с машиной. На днях поменял все необходимое. Садись и смело езжай куда хочешь. Будешь вспоминать меня и этот счастливый для тебя день добрым словом.

– А почему двигатель дымит? – успел вставить я.

– Ты же знаешь, копеечное дело, не успел поменять маслоотражатели. Кстати, я тебе их подарю. Дома сам поменяешь и забудешь надолго о проблеме, – очень толково объяснил он.

– Конечно, знаю, – с достоинством знатока согласился я.

Продавец был мил и предупредителен. Со знанием дела и быстро помог оформить все документы. Вечером поехали к нему домой обмывать покупку уже с транзитными номерами. Подозреваю, читатель ждет подвоха? Нет, тогда я видел только радость. И утром следующего дня мы расстались довольные друг другом, за чертой города на фоне указателя "Москва – прямо".

Мы не ехали, а летели на крыльях счастья, еще не вполне веря, что происходящее – реальность. Впереди нас ждал длинный путь до Ростова и, следовательно, много новых и приятных впечатлений! И эта радость свободного движения, верилось, будет отныне постоянной. Душа моя пела еще и от гордости: вот и я обрел почетный статус автособственника.

Бесценный опыт

Хотя я и пребывал в эйфории, у меня все-таки достало ума заметить, что температура охлаждающей жидкости угрожающе повышается,хватило соображения вынуть щуп. И о ужас, уровень масла близок к нулю! Дальнейший путь занял много времени. Примерно каждые сто километров надо было доливать масло, и не только доливать, но добывать его. Бывшие жигулятники помнят знаменитое масло "М8–10 г", существовавшее теоретически; практики посоветовали лить «камазовское», но и это оказалось трудной задачей.

И вот нас уже перестали интересовать красоты Валдайской возвышенности, теперь мы высматривали, где только можно, КамАЗы. Одни шоферы давали масло даром, другие продавали, а некоторые «посылали» меня вместе с канистрой...

Словом, когда на четвертые сутки мы добрались до дома, моя эйфория несколько поубавилась. Но все же я не сильно расстраивался: есть друг Саша, механик от бога, с золотыми руками, и он, конечно, мне поможет.

Однако вердикт Саши по итогам осмотра моего драгоценного приобретения ошеломил. "Старик, – сказал он, – ты имеешь ужасную развалюху, пробег у нее огромный, требуется кап-ремонт. Я напишу тебе список, если хочешь, по двигателю и ходовой, но лучше всего продай эту машину сразу. Хотя такую убитую, вряд ли..."

Продать жигуленка для меня значило предать исполнявшуюся голубую мечту. Это было выше моих сил, и, заручившись обещанием Саши помочь, я отважился на кап-ремонт. Большая пачка денег на глазах похудела, но все же ее хватило и на ремонт, и на оставшиеся шестьдесят дней отпуска.

Столкнувшись впервые с добыванием запчастей, я был шокирован сложностью этого процесса, поскольку раньше наивно полагал, что за запчастями можно обратиться в автоцентр. Но оказалось, что моего статуса недостаточно даже для того, чтобы со мной там разговаривали. Только через цепочку посредников удавалось выйти на человека, который мог попросить за тебя и, возможно, если авторитет посредника был достаточен, приобрести искомую железку за сумму, включающую и ее установку.

Другой путь, черный рынок, смущал высокими рисками подделок. Приходилось на ходу минимизировать список. С канистрой масла в багажнике я, как угорелый, носился по городу и области около месяца.

Сам процесс ремонта тривиально прост – разобрать требуемое, заменить неисправное, и затем собрать в обратном порядке, но, конечно, без Сашиних инструментов, советов и поддержки: "Дай я сам. Неправильно ты делаешь!" мне бы с ним не справиться. Работал по 12 часов; одежда и тело пропитались маслом, руки покрылись пятнами йода от ушибов и порезов. Но сам этот опыт ремонта в дальнейшем оказался бесценным.

По окончании ремонта оставалось еще немного отпускных денег, и я успел, взяв с собой сына и племянника, съездить в Абхазию. Поплавали, посетили Новый Афон, Рицу, Сухуми, Гагры и Пицунду. Дети в восторге, я еще в большем, ведь путешествовали не как обычно, а на машине, моей МАШИНЕ! Возле нашего шестидесятиквартирного дома машина стояла на площадке одна, я видел ее даже сквозь стену. "Интересно, если считать по двое жильцов в одной квартире, то я один счастливеец из ста двадцати?" – упоенно прикидывал я.

Отпуск закончился. По тогдашнему бездорожью (это сегодня можно доехать на автомобиле до Салехарда) я не решился гнать своего жигуленка на Север. Простившись с ним до следующего лета и следующей пачки денег, мы вернулись в Сибирь на самолете. Но в течение года, во сне и наяву, я грезил об оставленном у мамы в селе автомобиле, ощущая почти наяву запах его салона и физическое ощущение руля.

Надо сказать, в начале освоения Самотлора бензин был бесплатным, службы ГАИ не существовало и я начал самостоятельно ездить на служебном ГАЗ-52 для укрощения водительского зуда. И все книги для меня в тот год затмил "Атлас автомобильных дорог СССР"; всегда был силен в географии, теперь же выучил страну почти наизусть. Каждый день мы с женой бесконечно перелистывали этот атлас, отправляясь мысленно по самым необычным маршрутам.

На «ласточке» по СССР

Когда наступил долгожданный отпуск 1983 года, вопрос "куда ехать?" перед нами, таким образом, не стоял. Раскрыли изученный до последней страницы атлас дорог и выбрали маршрут вдоль западной границы страны. Вся инфраструктура поместилась в багажнике – палатка, надувные матрасы, одеяла, посуда, примус «Шмель», тренога и котелок. Вперед!

Ночлег мы устраивали просто. Как только солнце клонилось к закату, начинали высматривать привлекательное место для стоянки, желательно у речки, и смело направлялись туда. Другие туристы обязательно подтягивались к нам, или мы сами подъезжали к уже наметившемуся коллективу. Некоторые ставили свои палатки рядом, другие в стороне от шума, а кто-то укладывался спать в машине.

Дружеская атмосфера возникала сразу. Женщины доставали снедь и спиртное, накрывая общий стол. Тем временем кто-то из мужчин удил рыбу, кто-то купался, дети творили свой "гам тарарам". После ужина обязательно появлялся музыкальный инструмент, одни пели, другие просто слушали, немало рассказывалось у костра и занятных историй. Братство автотуристов легко сближало: у костра мы обменивались адресами, приглашали друг друга в гости. А утром разъезжались по своим направлениям.

Сейчас существует сеть придорожных отелей, с горячей водой и завтраком "За ваши деньги – что хотите!". Автотуристу же советской эпохи цивилизованный ночлег встречался редко. Помню, как мы были восхищены, когда в Литве, съехав по знаку «Р» (стоянка), обнаружили асфальтовые дорожки с площадками для автомобилей, и указателями: «Дрова» (с поленицей готовых дров и кострищем), «Вода» (с удобным подходом к ручью), и даже «туалет» типа "гей, славяне!" Предел комфорта для советского авто туриста! Впрочем, романтика «диких» ночлегов у костра, для молодости тоже была по-своему прекрасна.

* * *

Итак, мы двигались к западной границе по Малороссии в Херсон, Николаев, Одессу, затем Тирасполь, Кишинев. В некоторых местах Молдавии дорога пролегла рядом с нейтральной полосой, можно было прокричать приветствие братским тогда румынам. В то время национальная неприязнь еще практически не проявляла себя, а если и встречалась, то в эмбриональном состоянии.

Одна кишиневская тетя, например, с беззлобной улыбкой охарактеризовала своего мужа: "Да он же молдаванин, что с него возьмешь?" При этом сам молдаванин смеялся. Подобные шуточные замечания могли прозвучать по адресу закарпатцев, москалей, хохлов, не нарушая взаимного дружелюбия.

В таком длительном путешествии, тем более летом, трудно без душа и чистой постели, как бы романтично это не было. Но гостиницы в СССР практически недоступны, и в курортных местах мы обычно обращались к директору пансионата, турбазы, дома отдыха: за небольшую мзду почти всегда находилось только что освободившееся или еще не занятое место с благами цивилизации. Так что, попав к вечеру в «жемчужину» Карпат Яремчу, мы не слишком переживали о пристанище. Однако испытанный метод на сей раз не сработал: в наступающих сумерках мы сидели в красивом дворе пансионата «Яремча» с такими скорбными лицами, что привлекли внимание проходившего юноши.

– Случилось что-то? – с едва заметным акцентом, спросил он.

– Да вот проблема, хотели остановиться здесь, на несколько дней, полюбоваться Прикарпатьем, но не получилось.

– Вы хотели именно в "Яремчу".

– Нам все равно, важны горячая вода и теплый туалет, – ответил я.

– Если хотите, поехали к моему дяде, здесь рядом, в Верховине, места много, понравится – живите у него. Если не понравится, думаю, завтра дядя устроит вас, куда скажете. Он работает в туристическом бюро.

Через полчаса езды, по сказочным в лучах заката Карпатам, мы приехали в село Верховину. Даже не село, а хутор, или не знаю, как назвать удивительный населенный пункт, в котором дома располагались на расстоянии сотен метров друг от друга на затяжном склоне горы, покрытой изумрудной травой. Огромный зеленый двор с аккуратными песочными тропинками, символически огорожен длинными жердями, одна жердь вынималась – ворота. В центре двора возвышались колодец с «журавлем» и несколько стогов сена с торчащими из них жердями. Дом снаружи покрашен яркой голубой краской, а изнутри выбелен и украшен рушниками. Кровати привлекали внимание массой подушек и расписными украинскими покрывалами, одеялом здесь служила верхняя перина, как в Европе.

Встретили нас приветливо, во дворе накрыли большой стол. Глиняные миски, глечики, деревянные ложки, картошка и сало – полный национальный колорит во всем. Говорили за столом на трех языках – на «карпатско-румынском» хозяева, на русском моя жена Люба, на украинском я и Иванко (парня, конечно же, звали Иванко), при этом прекрасно понимали друг друга. От любезного предложения хозяев, погостить у них несколько дней, отказаться было невозможно; мало того, Иванко проехал с нами по всем примечательным местам, оказавшись отличным гидом.

Расставаясь, наши гостеприимные хозяева категорически отказались от денег, да еще приглашали: "Будете в Карпатах, обязательно заезжайте к нам".

– Скажи честно, зачем ты сделал для нас то, что сделал? – спросил я у Иванко.

– Я хотел, чтобы вы, вернувшись, рассказали всем друзьям и знакомым, что в Прикарпатье живут хорошие люди, а не такие бандиты и жлобы, как некоторые из вас представляют.

(Как видите, он достиг своей цели и, надеюсь, сегодня не воюет в Донбассе.)

* * *

Не буду подробно описывать все наши автопутешествия, остановлюсь лишь на наиболее ярких, незабываемых моментах, например, большом путешествии по Белоруссии и Прибалтике. Белоруссия поразила отличными дорогами и живописными лесами, которых я, практически степной скиф, прежде не видел. Запах хвойной свежести, гигантские деревья, сочная трава, прохладный прозрачный воздух; мало того, углубившись в лес, уже на обочине находишь обилие грибов и ягод, а в маленьких лесных озерах поплавок ныряет, едва коснувшись воды. Природа окружавшая нас была почти фантастической, трудно было поверить, что ты это видишь и этим дышишь. Мелькавшие же вдоль дороги небольшие населенные пункты и их жители мало отличались от российских, а Минск, столичный и шумный, почему-то, не вызвал восторга.

Совершенно иное впечатление оставили страны Балтии, пока еще союзные республики. Объединенные с Европой общей историей и культурой, Литва, Латвия и Эстония заметно отличались от России. Вильнюс, Каунас, Клайпеда, Рига, Таллинн и Тарту выглядели вполне европейскими городами, с непривычной русскому глазу средневековой и современной архитектурой. Большие и малые населенные пункты одинаково радовали также чистотой улиц, красивыми бульварами, обилием цветников, идеальными тротуарами и дорогами. И люди были одеты иначе, чаще улыбались и доброжелательно обращались друг к другу и даже к нам. Обслуживающий персонал выглядел почти безукоризненным: нашего десятилетнего сына, например,

глубоко поразил любезный дядя официант, который, стоя сзади, подливал ему сок и минеральную воду. И дело происходило не в столичном ресторане, а в кафе г. Тарту.

Меня же особенно впечатлила забота городских властей Таллинна, снабдивших узкие улочки тысячелетнего города табличками с надписью на нескольких языках "Внимание! Повернув налево (или направо) вы можете найти место стоянки для автомобиля"... Особое желание жены – посмотреть Калининград: «Это же Кенисберг, представляешь, Кенисберг? Там музей янтаря! Это же столица Восточной Пруссии! Считай, в Германии побываем!» – с жаром говорила она.

Переночевали в литовском городке Кибартай – через реку Неман виднелась уже Калининградская область. Городская гостиница «Ревуона», стоявшая у моста, на высоком заросшем ивами берегу, представляла собой водяную мельницу с увитыми плющом стенами и огромным колесом. Колесо это вращалось, хлопало по воде и приводило в движение жернова. У кромки воды располагались чисто вымытые деревянные столы и лавки. Здесь же располагался вход в уютное кафе, в которое также можно было попасть и из номера, спустившись по крутой лестнице, украшенной живыми цветами.

Ужином в этом кафе мы были приятно удивлены: столы покрыты белоснежными скатертями с литовским орнаментом, посуда – фарфор и хрусталь, столовые приборы – мельхиор, еда, соответственно, аппетитна и красиво подана. Завтрак заказывать не стали, рассчитывая пораньше отправиться в "Восточную Пруссию" и перекусить по пути.

Быстро преодолев мост через Неман, мы оказались в г. Нестерове. О Господи! Заведение общепита, куда мы направились завтракать, не оставило никаких сомнений, что мы уже в России: столы для приема пищи стоя, столешницы под мрамор давно не протирались, вилки и ложки из алюминия, компот из сухофруктов (с плавающими по поверхности червячками) подавался в граненых стаканах.

Меня часто обвиняют в русофобии. Да нет же, ребята, отсутствие патриотизма не в возмущении тем, чем следует возмущаться, а в попытке делать вид, что ничего страшного. По этому мосту ходили люди в обоих направлениях, и было неловко представлять, что думают о нас, русских, литовцы.

Городской пейзаж выглядел также неприглядно. Все, что осталось от немцев, было разрушено войной и временем; монументальные красного кирпича сооружения зияли дырами от снарядов и вместе с уцелевшими, которые, вероятно из понятной ненависти, не использовались, зарастали не только травой, но даже березами, торчавшими с балконов и из разбитых окон. Послевоенные постройки были представлены лишь бараками времен освоения оккупированной территории, где бедные люди жили до сих пор, и «дарами» Никиты Сергеевича – блочными пяти и девяти этажными домами, выглядевшими особенно безобразно на фоне красивой балтийской природы.

Калининград в плане архитектуры мало отличался от районных городков. В центре – те же немецкие руины красного кирпича, по окраинам невыразительные новостройки. Почти на свалке, среди груды мусора, нахожу по запаху требуемый укромный уголок, и замечаю рядом отполированную гранитную плиту с надписью "Emmanuel Kant". Комментарии нужны?

От той поездки память сохранила еще замок Тракай, Музей моря в Неринге и обрамленные соснами светлые пляжи Паланги, Юрмалы, Таллинна.

Когда моя «ласточка» окончательно износилась, она самоотверженно преодолела последние четыре тысячи до Нижневартовска, где и была продана. Поездка от Ростова до Тюмени не особенно впечатлила, но один момент застрял в памяти: на уральских вершинах, куда мы поднялись сфотографироваться у большого щита, оповещавшего, что здесь находится граница Европы и Азии, мы с грустью узнали тот же запах и ту же захламленность, что и у могилы Канта...

В комиссионку ее!

Северная система оплаты труда для удержания сотрудников была грамотно продумана. Зарплата неизменно увеличивалась, до трех раз в перспективе. Кроме того, должность про-раба, которая меня тяготила (не сотрудниками бывшего ОБХСС будь прочитано), также давала кое-что. Одним словом, к следующему отпуску пачка денег снова приятно пополнела, так что уже в Москве, пункте нашей пересадки, жена, по выражению Шукшина, начала ее «вздохмачивать». В одной из двух комнат частной квартиры, где мы остановились на время, вскоре уже громоздились огромный ковер, тумбочка для прихожей, торшер, книжные полки, гора постельного белья, да еще мешка два различной мелочевки.

Я поинтересовался у жены, как она представляет себе транспортировку всего этого? Ответ был логичен: "Придется купить машину, думаю, дома продадим". Недолго заморачиваясь, снова приобрели ВАЗ-2103, в несколько лучшем состоянии, чем первый, но тоже потрепанный. Погрузив в машину свой скарб, благополучно добрались домой, провели с ней отпуск и сразу поставили на продажу в комиссионный магазин...

А подумав – возвращались

В моей работе к тому времени произошли большие изменения. Я давно уже не проработствовал, а служил ведущим специалистом в прикладном НИИ, проживал не в бараке, а в трехкомнатной квартире, полученной за научные труды (моя работа выдвигалась на соискание степени кандидата наук). Редкий случай, когда хотелось работать и получать от этого удовольствие. Кроме того, и коллектив наш был союзом друзей и единомышленников. Казалось бы, что еще человеку нужно?

Оказалось, родина малая ему нужна. Надоел трехмесячный день и трехмесячная ночь с жутким морозом, надоело ходить летом в сапогах, а зимой в валенках, даже запах багульника достал – хотелось нюхать траву, цветы, редиску. Ностальгия по "большой земле" становилась невыносимой. Многие из нас не раз говорили себе, что из следующего отпуска не возвратятся, но возвращались, вспомнив, что заработок упадет в пять раз.

* * *

Прожив в Нижневартовске более десяти лет, мы тоже подумывали уехать домой. Но тут неожиданно подвернулся компромисс – в г. Ноябрьске образовали группу, которая занималась практическим внедрением наших разработок на разведочных буровых Ямала.

Условия были тяжелые – только вертолетом можно долететь, а там месяц ютиться вдвоем с напарником в вагончике размером два на три метра. По одной стене аппаратура до потолка, по другой двухэтажные нары, проход семьдесят сантиметров, еще есть раковина и под ней ведро. Очень важна психологическая совместимость с напарником. Процесс бурения непрерывен, поэтому спим с ним по очереди. Отоплением, очень эффективным до –50 градусов служит асбестовая труба со спиралью и вентилятором, главное – дверь наружу не открывать.

Но, но! К обычной зарплате добавляются еще, так называемые «полевые», и за месяц работы два месяца оплачиваемых отгулов. И как тут прожить без автомобиля? Тем более пошли слухи, что в серьезных фирмах, особенно московских, люди покупают новые машины. Даже в моем ростовском дворе стояло уже несколько автомобилей.

Два преступления

Была у жены подруга в Москве, замужем за сотрудником министерства, должности которого, за соответствующий магарыч, было достаточно для приобретения вожделенного авто. Пока я был на вахте, жена вела с ними переговоры. Возвращаясь из Тюмени, я позвонил ей:

– Ну что у тебя там, заждалась, наверное? Я лечу домой.

– Ты летишь домой как? – спросила она, – Из Тюмени в Москву?

– Да.

– И я вылетаю в Москву завтра. Записывай адрес. Равилию выделили машину, – обыденно сообщила она сногшибательную новость.

На четырех крыльях (два самолета и два моих), с огромным рюкзаком грязной одежды и невымытый сам, я прилетел в Москву. А через три дня блестящий, новенький ВАЗ-2106 уже стоял у дома Равилия, дурманя прохожих запахом нового салона. Но проблема: машина – собственность Мустафина Равилия, и продать он ее мог лишь по истечении года, а доверенность на вождение машины в первый год можно выдать только человеку с московской пропиской, доверенность же иногороднему разрешалась в исключительных случаях и по специальному решению суда.

Оставалось уповать на "исключительный случай". Но наши доводы о том, что у хозяина нет прав, а я фактически живу в Москве, что я однажды спас ему жизнь, и он готов мне сделать подарок (уж не помню, что еще мы выдумывали), на суд впечатления не произвели. Пришлось мою "нулячью шестерку" с упоительным запахом салона поставить временно у Равилия на даче под огромной сосной, шишки которой, падая, оставляли вмятины на крыше автомобиля.

И тогда я пошел на первое преступление во имя ВАЗ-2106. С помощью ювелирного и граверного инструмента, а также яйца и картошки, в гараже моего друга Саши мы изготовили генеральную доверенность, весело сверкающую свежей печатью. Вооружившись ей, я на всякий случай все же уговорил Равилия вместе перегнать автомобиль в Ростов. При встречах с гаишниками, надо и не надо (а, не надо – хозяин рядом) я демонстрировал свою доверенность, аккуратно запаянную в потертый целлофан, чтобы хуже просматривалась.

Вопрос задавали обычно один: "Не просрочена?". Затем смотрели внимательно и: «Поезжайте». Качественно мы исполнили документ! В Ростове, постепенно наглея, я стал ездить по доверенности уже "в полный рост", хотя мой московский номер часто привлекал внимание и, обнаглев вконец, отважился выехать в Карачаево-Черкессию. И тут, как выражался в детстве мой сын: "Правду тебе говорю, честно говорю, правда, честно так было", останавливает меня группа офицеров-гаишников. От нее отделяется лейтенант и, отдав честь, представляется:

– Добрый ден, лейтенант Чантиев, документ, пожалста.

– Пожалуйста, – подаю я права и техпаспорт.

– Доверенност ест? Фамилий разный, потому вопрос.

– Конечно, пожалуйста, – говорю.

Он внимательно ее рассматривает и, неожиданно для меня, в задумчивости произносит:

– Печат какой-то кривой, непонятный.

– Да ладно тебе, – говорю с замиранием сердца. – Всем прямой, тебе кривой.

А сам мысленно рисую себе грядущий кошмар: "Ну всё, приехал!»

Тут, откуда ни возьмись, подскакивает уазик с огромным толстым подполковником внутри, самым главным гаишником республики, наверное. Мой лейтенант докладывает ему что-то на своем языке, подполковник же возражает ему неожиданно по-русски:

– Чантиев, что тебе непонятный? Все понятный: сам – ростовский, машин – московский, а печат – грузинский. Поезжай на х...!

Последнее распоряжение подполковник адресовал уже мне, возвращая документы. До сих пор не пойму, то ли он пошутил, то ли поверил мне, то ли заужавал.

* * *

Через полгода подошло время снять машину с учета и оформить на себя. Сейчас это можно сделать в любом городе, тогда же для процедуры переоформления требовалось явиться в Москву. Поехал я с двумя друзьями ростовчанами. Хозяин автомобиля Равиль, плотно занятый на работе, поручил представлять свои интересы в ГАИ, по доверенности, моему знакомому москвичу Владимиру Смирнову.

Мы потратили на снятие с учета день, но дела не завершили: справка-счет с транзитными номерами ожидалась утром. Пока же у нас на руках были справка на имя Мустафина о снятии машины с учета с целью продажи и доверенность на имя его представителя Смирнова. То есть любой человек с водительским удостоверением имел право управлять автомобилем в Москве в присутствии одного из вышеуказанных лиц.

И что вы думаете? Мы таки откололи номер, пойдя на второе, незапланированное, преступление. Когда до нашей гостиницы оставался квартал, Володя говорит: "Мужики, очень важное дело, мне необходимо выйти! Думаю, этот километр вы проедете и без меня. На всякий случай вот мой паспорт с доверенностью". Как только он скрылся, нас немедленно остановил лейтенант ГАИ. И началось!

– Добрый день! Документы, пожалуйста.

Толя, сидевший за рулем, подал права и справку о снятии с учета.

– Ясно. А кто Мустафин? – спрашивает лейтенант.

– На работе он, вот доверенность. Я за него, – отвечаю, подавая чужой паспорт.

– Что это вы так сильно изменились, гражданин Смирнов?

– Время же идет быстро, – спокойно возражаю я.

– Да, это конечно. А как дочь вашу зовут? – невозмутимо спросил бдительный инспектор, листая паспорт Смирнова.

Я, понятно, не знал. С трудом овладев собой, я начал сбивчиво объяснять, что Мустафин сейчас на работе и, наверное, ему можно позвонить. И, что Смирнов только что вышел из машины и до дома, вероятно, не добрался, но кто-нибудь у него дома есть, и, если позвонить, то подтвердят, что я купил этот автомобиль. И завтра, получив транзитные номера, я поеду на нем домой.

– Свой паспорт у вас есть? – перебил меня лейтенант и, заглянув в него, усмехнулся. – Независимо от возраста, вас здесь узнать можно. А сына помните, как зовут? Ладно, граждане, – заключил он, – времени у меня мало, а история ваша слишком запутана. – Сейчас позвоним в отдел, приедут люди, которые внимательно вас выслушают.

Затем он открыл небольшой ящичек на стене с надписью «милиция», в которой оказался телефон.

– Не надо торопиться, попробуем решить проблему на месте, – предложил я.

– Звоните Мустафину и Смирнову, – разрешил он.

Позвонили. Мустафин подтвердил: " Да, есть у меня автомобиль. Нет, не угнали... Поехали снимать с учета... Да, знаком с Банных и Смирновым". А дочка Смирнова сообщила: "Папы дома нет, уехал утром с тремя дядями на красной машине. Своя? Есть. Желтая «пятерка», стоит под окном".

Все? Нет криминала? Но лейтенант считал, что есть, и заговаривал о вызове опергруппы. Тогда в разговор вступил Толя: "Я думаю, что сотрудник ГАИ должен разбираться с водителем". Они поговорили между собой и, наконец, соглашение было достигнуто.

– Поехали, – сказал Толя, садясь за руль и укладывая стопку документов.

– Сколько ты ему дал? – поинтересовался я.

– Угадай.

– Сто, пятьдесят, двадцать пять? – гадал я.

– Да нет. Червонец, – ответил Анатолий, смеясь.

Читателям поясню, что в то время за легкое нарушение ПДД сотруднику ГАИ полагался рубль, а за грубое (красный свет, «кирпич») – три.

Увы, форсмажор!

Наконец-то на законном основании я имел новый автомобиль. Счастье? Казалось бы. Но "не долго музыка играла..." Был конец «Перестройки», Советский Союз разваливался я, как назло, в это время прекратил летать на Ямал и поступил работать научным сотрудником сначала в один ростовский НИИ, затем другой. Но хрен редьки не слаще: секретность, от звонка (буквально) до звонка выйти на свежий воздух нельзя, заработная плата мизерная, особенно после севера, не матом – слов нет, так что пришлось мне по вечерам нелегально таксовать.

Дальше – хуже, началась гиперинфляция, НИИ стал потихоньку "разбегаться на базар". Кто пережил, помнит, как кандидаты и даже доктора наук торговали мужскими носками и трусами, самолично привезенными из Польши или Турции. Я тоже уволился и стал зарабатывать извозом на автомобиле, около десяти миллионов рублей в день, которых хватало только на пропитание. За сутки пробег моей «шестерки» составлял не менее двухсот километров, и я с грустью и тайной виной сознавал, что убиваю любимую машину. После пробега 50 тыс. км жигуленку требовался капремонт, хотя и старался, как мог, поддерживать ее.

«Шестерка» спасала мою семью, но щемящий душу запах ее нового салона быстро выветрился. Я и сейчас благодарно вспоминаю тот красный ВАЗ-2106, но в эпоху исторических передышек мы с ним почти не увидели интересных маршрутов. И, измученный, он был продан.

* * *

Как только разрешили кооперативы, я с группой товарищей по НИИ объединились для выполнения технических заказов от научно исследовательской разработки до опытного образца. Выполняли мы их за срок в десять раз меньший, чем весь коллектив НИИ, и вскоре уже начали хорошо зарабатывать. Как только предприимчивая часть граждан стала, наконец, выбираться из нищеты, к сожалению, не менее энергично богател и криминал, прежняя мечта автолюбителей "О-о! Новая машина!" Была потеснена другой "О-о! Подержанная иномарка!"

Часть 2. Иномарки

Подъем или падение?

Советский человек, если не был жителем столицы, с иномарками в родном отечестве сталкивался редко. К тому же и рассмотреть их было затруднительно из-за толпы, которая облепляла иномарку, неизвестно как очутившуюся в доступном для рядовой публики месте. "О, смотри! Смотри, какие у нее колеса... блестят же суки, а широченные... А на спидометре, гля, двести! Ни гада себе! Где?... Гля, правда, думаешь, поперет? Интересно, как называется?... А я знаю? На капоте значок", – гудела толпа. Самые шустрые любопытствующие прикасались к автомобилю руками, пытались заглянуть внутрь и громко комментировали то, что удалось рассмотреть в салоне. Если за рулем «чуда» сидел наш гражданин, то он, надменно, почти не разжимая губ, снисходил до кратких пояснений, и те, кто могли их расслышать, громко транслировали информацию стоящим позади. Если же водителем оказывался иностранец, да еще не понимавший по-русски, он лишь изумленно взирал на толпу, пытаясь понять причину столь пристального внимания к своей особе.

* * *

В целом времена менялись все же к лучшему. Стало возможным посещать западные страны, и появилась такая профессия «гонщик» – человек, который на свой страх и риск, ради наживы, пригонял подержанные иномарки, по своему выбору или под заказ. Особенно много таких авто вывозилось из Германии. Думаю, немцы должны быть благодарны перестроенной России за ощутимую помощь в утилизации своего использованного автопарка.

Одно то, что старые иномарки не ржавели, приводило нас в восторг, не говоря о прочем. Наш автолюбитель теперь понимал, что даже пятилетний опель, ослепительно сверкавший заморским лаком, много лучше новой отечественной машины. Хотя и намного дороже.

Кстати, сосед по гаражу приобрел огромный «Опель-Омегу» восьмилетнего возраста. Мало того, что он прокатил меня несколько раз, но и разрешил мне прокатиться за рулем его машины, и я ощутил почти неземное блаженство.

"Все, – сказал я себе, – только иномарка!"

За считанные месяцы 1989-го все российское общество на глазах стало расслаиваться на богатых и бедных, важнейшим критерием снова был автомобиль. На авторынках самые престижные и удобные места захвачены рядами благоухающих и сверкающих напомаженными порпризами мерсов, "ауди" и «тойот», вальяжные продавцы которых, с одного взгляда определяли, достоин ли ты общения с ними. Особенно надменны те, кто из грязи в князи. Следующие, менее престижные ряды, занимали фольксы, «опели», "рено" и прочие «фиаты» со «школами», развязные продавцы которых самозабвенно вешали лапшу на уши всем желающим, об уникальности случая, который им, счастливым, сейчас предоставляется. Обман процветал: процент автомобилей ворованных, с перебитыми номерами и без оных, угнанных по сговору с целью получить навар со страховой компании на Западе и с покупателя в России, автомобилей-двойников и автомобилей-химер, собранных из нескольких развалюх, оставался очень высоким.

Скажу, что я сам дважды на этом попался. Но это потом, а сейчас, немного оправившись от финансовых проблем и заняв у друзей значительную часть искомой суммы, я искал свою

первую иномарку. И нашел – восьмилетний «Опель-Аскона», с объемом 1,8 литра, хэтчбек. Я был очень рад, да и «Опель» радовал меня поначалу. Едем, с отцом в горах, на подъем.

- Не понял, сто шестьдесят это скорость?
- Ну да, – подтверждаю.
- Чудеса! С такой скоростью я на самолете, в войну, летал.

Проездил я на «асконе» около двух лет. Потому как у немецкой машины есть известная особенность – она «бегает» несколько сот тысяч километров, в зависимости от престижности модели, а потом начинает разваливаться вся целиком. Что и начало происходить. Надо продавать. А тут, кстати, приехал ко мне в гости Феликс, приятель из немецкого Бремена. Сидим, выпиваем.

– Ты сейчас едешь на древнем «опеле»? А сколько можешь потратить на автомобиль? – интересуется он. Я называю сумму в рублях.

– Я в рублях не понимаю, сколько это марок или долларов?

– Ну пять, семь, не более, тысяч долларов, – поясняю я.

– Да за такие деньги, приехав ко мне, ты можешь купить нового «опеля», или вполне приличную "ауди".

Уговорил он нас, поехали с женой, отправились в Европу за автомобилем в октябре 1992 года.

За споткания!

До поездки мы сталкивались с различными представителями власти: администрация, милиция, автоинспекция (радужных воспоминаний мало), а тут столкнулись с пограничными и таможенными службами.

Мама родная! – я вам скажу.

Билет у нас был – Ростов – Берлин, с пересадкой в Киеве. Часовая стоянка киевского поезда на пограничной станции Таганрог. Открыли дверь купе, ждем пограничников, но никто не заходит. Поехали дальше. Остановка, снова на час, теперь на первой украинской станции. Открыли дверь купе, ждем – никого. Я, было, предположил: "У нас же безвизовый режим, здесь контроля нет. Но все же засомневался и подошел к проводнику, спросил.

– А где пограничный контроль?

– О! А вы чо, за границу едете?

– У тебя же наш транзитный билет – Ростов – Берлин.

– Та чо, я на все смотрю? Моя конечная станция – Киев. Они были в вагоне-ресторане, собирали по пять долларов. Вас же на польской границе высаждают.

В Киеве времени до берлинского поезда достаточно, разыскали погранслужбу, сообщили о недоразумении.

– Да вы смеетесь, – возмутился господин полковник, – хотите сказать, наша служба не работает? Далее польской границы, должен предупредить, вы не доедете и будете арестованы за незаконную попытку попасть за рубеж.

– У нас шенгенская виза.

– А это не важно! – мне показалось со злорадством ответил он.

– Что же делать? Помогите.

– Что хотите, – безразлично отозвался он.

Выхода не было, приходилось рассчитывать на себя и случай. Поехали. На украинской стороне границы с Польшей нас проверяют двое, женщина и мужчина.

Таможенница внимательно досматривает каждый сантиметр багажа, включая вывернутые наизнанку дамскую сумочку и карманы одежды. Пограничник изучает наши паспорта,

затем спрашивает: "Не понял, как вы пересекли границу?" Женщина добавляет: "И где декларация?"

Мы начинаем нервно объяснять, как все произошло, но это мало их интересует:

– Предъявите всю наличную валюту, – требует женщина.

Показываем.

– Почему так мало денег? До Испании, согласно визе, с такой суммой не доедете.

– Еще есть чек Дойче банка. Показать?

– Чек арестовывается и будет отправлен в банк выдачи.

– Это же собственность Дойче банка, нам гарантировали его неприкосновенность, – возразил я.

– Поверьте, я лучше знаю, как поступать, – парирует она. – Мы вам оставим сумму необходимую для возвращения домой, остальная валюта как незадекларированная конфискуется в пользу Республики Украина.

– Значит так, – вступает пограничник. – Для дискуссий времени мало, я не могу пропустить вас через границу. Женщина прекратите истерику! Вместо того чтобы плакать быстрее собирайте вещи, переодевайтесь и покидайте вагон – поезд уже отправляется. Наш сотрудник проводит вас в соответствующую службу, где все оформят и объяснят. Вы меня слышите?

Оба удалились, унося наши паспорта...

Крайне возбужденный, я бросился к проводнику, объяснил ему проблему и спросил:

– Ты знаешь эту смену? Помоги.

– Та не волнуйся ты так, думаю, пятьдесят долларов решают вопрос, – отвечает.

Я дал две купюры – пятьдесят и десять. Пограничник в коридоре вагона вернул мне паспорта и чистый бланк таможенной декларации, пробурчав: "Заполните сами, чекухи я поставил".

На польской стороне разговоров было мало, досмотра тоже не было. Возвращая паспорта, человек в непривычной военной форме пожелал доброго пути на польском языке. Но я понял – почти по-русски. Наконец-то моя бедная жена перестала всхлипывать. Я сказал: "Пойду в ресторан напьюсь, а ты успокойся, спи". «Напейся», – в ответ...

В ресторане пили водку с поляком, долго беседовали, почти понимая друг друга. Я рассказывал ему свои горести он свои, и каждый раз, поднимая стакан, собеседник говорил: "За спотканья". И я отвечал: "За спотканья". До сих пор, вместо слов "за встречу" я говорю: "За спотканья".

На «загнивающем» Западе

Утро уже загоралось, когда мы подъехали к Берлину. Я мог бы многое рассказать о Германии, но позволю себе лишь одно отступление об автомобилях: у немцев такси – «Мерседес-500»! Объясняют они это очень логично: "Надежная, мощная и просторная машина – идеальное сочетание для такси".

И на бременском вокзале к нам подъехал именно такой мерс с женщиной за рулем, которой я и подал записку с нужным немецким адресом. Фрау-водитель кивнула утвердительно, сама погрузила, несмотря на мои протесты, в багажник чемодан и лихо доставила нас в средневековый центр города. Условия движения здесь оказались затруднены, поэтому она не смогла подъехать к нужному подъезду. Видели бы вы, как она из-за этого расстроилась! Чуть не плача, извиняющимся тоном быстро объясняла нам что-то по-немецки. "Пожалуйста, по-английски", – попросил я.

После чего я с трудом понял, что раньше «кирпича» здесь не было, что она донесет наши вещи – осталось пятьдесят метров. "Умоляю, не звоните моему шефу! Вот ваш дом, рядом.

Пожалуйста, пожалуйста, не звоните!" Я уже взялся за ручку двери подъезда, а она все не уезжала и взывала к нам: "Do not tell, not tell, please!"¹

* * *

Наконец настал момент выбирать машину. Изучив толстый сборник объявлений, я выяснил, что могу претендовать на подержанную БМВ-5 или «Ауди-100», был даже вариант «Мерседес-Е». Душа моя запросила БМВ, и, позвонив его продавцу, помогавший мне друг Феликса Юлик договорился о встрече. "Завтра в четырнадцать двадцать", – коротко ответил немец.

Приехав чуть раньше, мы сразу увидели красавицу БМВ-525i серебристо-вишневого цвета, стоящую на лужайке перед коттеджем. Мой пульс забился учащенно, но хозяина звать было еще рано: правила хорошего тона требовали подождать две минуты. Мой товарищ, уже усвоивший немецкую пунктуальность, нажал на кнопку домофона ровно в 14 час. 20 мин.

Хозяин вышел и открыл автомобиль. Традиционно похлопали дверями, крышкой капота, постучали ногой по колесам, Юлик поговорил с продавцом о чем-то по-немецки. Затем нас пригласили в дом. Я жадно оглядывался по сторонам: "Как живет житель объединенной уже Германии?" Хорошо живет. Помню, например, небесного цвета ковер с очень высоким ворсом на просторной кухне, куда мы прошли.

Начался торг. Юлик перевел мне его итог: "Он согласен сбросить пятьсот марок при условии, что ты заберешь зимнюю резину вместе с дисками. Жена ругается – всю кладовку завалил, обувь некуда складывать". Известное дело: "Что русскому хорошо, то немцу смерть". Сговорились.

"Я первый раз общаюсь с русским так близко. Скажите, правда, что покупая автомобиль, вы тратите все накопленные деньги", – обратился к Юлику наш хозяин. Мой товарищ перевел мне.

– Ответь, что неправда. Половину стоимости еще занимаем.

– Удивительно, а я не верил, – смеялся немец.

Процедура оформления покупки изумила своей простотой и логичностью. Ходят слухи, что у немцев бюрократия почище нашей. В каких-то других вопросах – безусловно, но не при продаже автомобиля. Судите сами – продавец на кухне написал простую расписку, в которой указал, что он продал, когда, кому и за какую цену.

Все – больше его участие не требовалось. Я самостоятельно поехал на станцию техобслуживания, где получил акт техосмотра, затем в полицию, где, не допив еще предложенной чашки кофе, получил пакет всех сопроводительных документов и номерные знаки с красной полосой. Мне разъяснили, что с данными номерами в пределах Евросоюза я могу ездить где угодно до окончания срока визы, а в транзитных странах (например, в Польше, Чехии, Словакии, которые пока не входили в Шенген) срок пребывания ограничен пятью сутками. Подумали мы с супругой, посчитали финансы и решили прокатиться до Парижа или хотя бы до дорожного указателя "Paris".

На прощание Юлик объяснил нам примерный маршрут, произнес такую напутственную речь: "В любом случае выедете на кольцевую дорогу, а там знаки и указатели расставлены грамотно, разберетесь. Поезжайте кратчайшим путем, через Голландию и Бельгию. На всех магистральных телефонах в пределах доступности (сотовых еще не было). Ты же знаешь приемлемое количество английских слов, на таком уровне в Европе по-английски говорят все, разберетесь".

---

¹ "Не говорите, не говорите, пожалуйста" (англ.).

* * *

Признаюсь, что я с волнением сел за руль, страхась неизвестности, не чувствуя толком автомобиля, не зная местных языков и нравов. Но все же любопытство пересиливало сомнения. Вот автобан, и мое первое удивление перед надписью "Внимание! Автобан –100 м. Скорость не менее 100 км/час". Полагалось разогнаться по полосе ускорения и влететь на автобан, а идущие прямо были обязаны пропускать въезжающие автомобили. Чудеса!

Влетаю со скоростью 120, еду по правой полосе, но замечаю, что многие обгоняют меня. Перестраиваюсь левее – скорость 150, но ряд еще левее обходит меня как «стоячего». Первые дни я не решался ездить быстрее, но позже, освоившись, позволял и более двухсот. Покрытие дороги из незнакомого нам материала, не асфальт и не бетон, идеально гладкое, создавало ощущение полета над дорогой. Лишь на обратном пути, после германо-чешской границы, нам вспомнилось привычное ощущение "стиральной доски". Полная тишина в салоне, комфортная температура и вентиляция, исключительная послушность автомобиля тоже способствовали непередаваемо приятной атмосфере этой поездки.

На магистралях Европы я почти не замечал дорожной полиции, ее заменили видеокамеры. Но несколько встреч с блюстителями порядка у меня все же случились. Одна произошла на Ратушной площади кукольного голландского городка с маленькими, утопающими в цветах домиками и мозаичными тротуарами, которые от проезжей части, выполненной из идеально подогнанных толстых цветных плиток, отделял низкий полированный поребрик.

Неожиданно на площадь въехал свадебный кортеж – огромная черная сверкающая карета, запряженная тройкой белых лошадей, на козлах восседал кучер во фраке, цилиндре и белых перчатках. Сопровождающая кортеж небольшая толпа выглядела не менее помпезно. Мы, естественно, припарковались на свободном от машин месте, встретить которое в центре обычно проблема, и, раскрыв рты, любовались великолепной процессией. Зашли, кстати, и в магазин сыров – разнообразие их номенклатуры и фасовок, размером от двухсотлитровой бочки до четверти спичечного коробка, не поддавалось описанию.

По возвращению к автомобилю нас, однако, ждал низкорослый, но устрашающего вида полисмен со «шмайсером» до пола. Догадаться, о чем он нам выговаривает, было нетрудно и без толмача. Напуганный рассказами о баснословных штрафах и несговорчивости местной полиции, я покорно ждал наказания, пытаюсь слабо оправдываться: "Загляделся на красивую свадьбу, запрещающих знаков не заметил – простите! Восхищен вашим городом! Сам из России, никогда такого не видел".

Ответ полицейского был понятен без перевода: "О!.. Рашен. Ноу проблемс – бай". Не совсем понятным осталось, прощен ли я из уважения к России или, напротив, из соображения "что с него, дикаря, взять?" Этим вопросом я еще не раз озадачивался во время путешествия.

Брюсселцы, полет над Антверпеном

Брюссель – многоликий город. При переезде из одного района в другой мне иногда даже казалось, что мы попадаем в разные города, и каждый из них своеобразен. Солнце уже касалось горизонта, когда мы стали выбраться из центра города на поиск ночлега. И тут стартер моего автомобиля вдруг замолчал: аккумулятор вышел из строя или еще хуже? Что делать? Автосервис своими силами я вряд ли найду, а просить помощи у водителей помешает языковой барьер.

Пока в замешательстве я брел по улице, мое внимание привлекла музыка и громкие голоса из ярко освещенного крохотного бара. Решился и зашел внутрь. Не знаю, откуда у меня

в памяти всплыли эти слова, но, собравшись с духом, я крикнул: "Attention, listens to me, please! My car badly. Help me, please!"²

Конечно же, нашлась добрая душа, которая вступила со мной в туманный диалог из смеси языков и жестов:

– Какая у тебя машина?

– БМВ.

– Станция БМВ уже закрыта до утра. Давай пить пиво.

– Спасибо, я не могу, я не один, я с женой, спать надо.

– Нет проблем, спите здесь, кровать найдется. Несу пиво?

– Пожалуйста, позвони в полицию. Я очень плохо знаю язык, – уговаривал я.

Он позвонил. Прибывший полицейский, прежде всего, достал из багажника маленький аккумулятор, с помощью которого двигатель моей машины сразу запустился, затем, сев за руль своего авто, включил сирену и коротко бросил: "Follow to me". Я понял – "За мной!"

Ехали мы долго и стремительно. Я все время боялся потерять его, но спасала полицейская мигалка. Приехали на маленькую сервисную станцию – два подъемника и небольшой магазин, где мне продали новый аккумулятор. Я долго благодарил своего спасителя и попросил его уж заодно показать нам ближайший недорогой отель. Новая, на сей раз короткая, гонка с преследованием, в конце которой он ткнул пальцем в сторону надписи «Hotel», а на мою попытку достать бумажник произнес: "No, no. Good night!"³.

Думаете, хочу сказать, что в Брюсселе полицейские хорошие, а у нас плохие? Ничуть. И среди наших встречались нормальные, а в Брюсселе он, может, такой вообще один. Но мне повезло – он мне попался.

Отдохнув и вкусно позавтракав, мы продолжили наш вояж в Париж. Теплым осенним утром солнце весело подсвечивало желтизну листьев и зелень идеально стриженных газонов вдоль шоссе. Мы поднимались по сложной транспортной развязке все выше и выше, а под нами виднелись несколько этажей бегущих в разные стороны шоссе, под которыми, в свою очередь, от горизонта до горизонта раскинулся огромный город. И мы бесшумно полетели над ним, надпись «Antwerpen», казалось, промелькнула сквозь меня. От того ли, что напряжение и суэта предшествующих дней отступили, что я привык к автомобилю, что погода, ландшафт и архитектура города были прекрасны, моя душа затрепетала от восторга, гордости и самоуважения, чтобы не сказать – самодовольства. Я вспомнил все, что знал об Антверпене: возраст более тысячи трехсот лет, самый большой порт, мать Европы и всех ее финансов, жители его, фламандцы – создатели известных всему миру композиторской школы и школы живописи.

Даже и предположить не мог, что увижу его, да еще в таком ракурсе. Сознание того, что я нахожусь в самом сердце Европы (а впереди еще Париж!), вызывало слезы умиления, а планка самооценки неприлично зашкаливала. Я даже стал снисходительно посматривать на жену, хотя, надо отдать должное, ее заслуга в том "полете над Антверпеном, который мне и поныне еще снится, была никак не меньше моей.

Километров за сто до Парижа нас удивило непривычное скопление автомобилей и шлагбаумы на каждой полосе движения. Оказалось, платная дорога. Спросить, как нам действовать, было не у кого. Остановились в сторонке понаблюдать, что делают другие водители? Они нажимали какую-то кнопку, шлагбаум открывался – и поехали. Я не понял, но, увидев, что справа большие автобусы проезжают свободно, нырнул за ними. Перед вожделенным знаком

---

² Внимание, послушайте меня, пожалуйста! Моей машине плохо. Помогите мне, пожалуйста. (англ.)

³ Нет, нет. Спокойной ночи! (англ.)

«Paris» опять шлагбаум и полисмен во французской форме с вопросом "Ticket?"⁴. Я дал два доллара, которые его и удовлетворили.

Чем ближе к Парижу, тем больше машин и тем шире дорога. И вот уже по пяти, шести, затем сбился со счета, полосам огромная масса автомобилей вливается в город. Заходящее солнце светит ниже козырька ветровогостекла, прямо в глаза, и толком я ничего не вижу. Нервы мои взвинчены, многие автомобили уже сворачивают по нужным им съездам направо в город. А куда нам? Вот появились указатели "Lyon – avant"⁵. Не проскочим ли мы Париж? И, приняв решение, съезжаем в город.

Париж

Первый же отель сразил ценой – семьсот долларов за ночь – Париж! Отправляемся ночевать в пригород, чтобы утром вернуться. Надо сказать, что на автомагистралях Европы шоссе встречного направления редко проходит рядом, отделенное газоном, зачастую его не видно вообще: с большим трудом развернувшись обратно, мы начали движение от Парижа.

Подъехали к месту, где между встречными шоссе был перекинут огромный переходной комплекс (мост, тоннель, переход – не подходит), включавший в себя ряд магазинов, кафе и мини-отелей. Народ гулял там, как по ночному бульвару, бездомные спокойно спали прямо под ногами. И мы нашли здесь приличный ночлег с чистой постелью и прочими удобствами за умеренную плату, а утром вернулись в Париж.

Въехать в центр любого города легко – туда идет основной поток, выехать сложно. Факт общеизвестный. И мы смело двинулись вперед, хотя во время движения я мало что видел, кроме впереди идущей машины, разве что отдельные яркие моменты. Наконец представилась возможность припарковаться.

– О господи, – осмотревшись, сказал я. – Да это же Лувр! Вот малая триумфальная арка перед нами! А на горизонте Эйфелева башня!

Мы стояли замороженные, боясь закрыть глаза. Казалось, откроешь их, и все исчезнет. Но нет, и Дом инвалидов, и мост Александра III с золочеными фигурами, и дома на том берегу Сены со знаменитыми мансардами, и большая арка в начале Елисейских Полей оставались на месте.

Париж существовал вокруг нас, а мы внутри его. В действительности город выглядел прекраснее, чем на известных нам репродукциях, изображающих центр "города мира". Растерявшись, я предложил:

– Давай пойдем в Лувр?

– Да ты что, откуда у нас столько времени, – возразила жена.

– Тогда на метро. О! На метро проедем несколько станций, выйдем, посмотримся и далее, – осенила меня новая идея, не поддержанная супругой из страха заблудиться.

– Лучше пойдем, погуляем по Елисейским полям, – предложила она.

В центре аллеи, посыпанной ярко желтым песком, под малой аркой звучал аккордеон: "La Paris... траля-ля. – ля...траля...La Paris". На белом пьедестале гибкий клоун-мим в черном трико, с намазанным белилами лицом и ярко подчеркнутыми губами, завораживающе грациозно танцевал под эту музыку, приветствуя жестами окружившую его толпу. В красочной картонной коробке перед ним лежали купюры и монеты, наверное, всех стран мира, – мы тоже положили. Устав от ходьбы, пересекли на машине мост Александра и поехали все равно куда, глазеть по сторонам, останавливаясь в привлекательных местах. Один раз даже потеряли

---

⁴ Билет (англ.)

⁵ Лион – прямо (фр.).

машину в лабиринтах улиц, после этого, стали записывать приметы – названия магазинов, банков, или еще запоминающееся что-то.

Случайно оказались в тоннеле, где разбилась принцесса Диана. Попав на остров Сите не сумели подъехать близко к Нотр-Дам де Пари и, необъяснимым образом выбравшись оттуда, остановились на Марсовом поле. Громада Эйфелевой башни возвышалась над ним. Выяснился удивительный факт, что под башней автомобили не ездят, хотя в большинстве видеороликов широкое шоссе проходит именно под ней. Фокус прост – башня стоит на низком берегу Сены, а на противоположном, высоком, ровная стрела дороги нацелена точно в центр между опорами, так что, приподняв чуть-чуть объектив камеры, можно создать такую иллюзию.

С верхней смотровой площадки Эйфелевой башни город показался нам белоснежным, хотя внизу здания были обычного светло-серого цвета. Из-за яркого солнца, наверное? На фоне этих равновысоких белоснежных строений, разбежавшихся до самого горизонта, резко выделялось темная группа известных небоскребов. И весь этот пейзаж "Парижа с высоты птичьего полета" прорезала голубым извилистым потоком Сена, с белыми теплоходами на волнах и мостами над ними.

Перевалило за полдень. Пора выезжать из Парижа, Франции, и вообще Европы, через пять стран путь домой – в Россию. Выезд из Парижа оказался для меня неожиданно непростым, хотя один француз и подарил мне карту города, карандашом нарисовав на ней наш маршрут. Карта эта (*увы!*) помогла мне мало.

Несколько раз по дороге я радостно обращался к итальянцам, принимая их за армян, и все они указывали пальцами в разные стороны. Пытался с тем же успехом обращаться и к другим прохожим. Не раз, покружив по улицам, я возвращался в исходную точку. Наконец обратился к импозантному мужчине с двумя дамами, в отчаянии повторяя ему: "I want go to Germany. Ich möchte nach Deutschland"⁶. Незнакомец озадачил меня вопросом "See you green dog at picture?"⁷, а после добавил: «Go rite. Further to the right»⁸.

Причем тут собака, какая картина? – думал я. Но оказалось все просто: повернув направо за рекламный щит, на котором была нарисована зеленая собака, я увидел желанный указатель "Reims, Saarbrücken – прямо". Германия вперед!

В темноте мы добрались до Реймса, великолепие которого смогли оценить только утром. Подобного сочетания красоты и уюта я, пожалуй, нигде еще не видел. И немудрено – все французские короли до девятнадцатого века короновались в этом городе, он много веков был центром духовной власти и резиденцией епископа, а знаменитый кафедральный собор Реймса является прообразом Нотр-Дам де Пари. Хотя нам следовало спешить (*виза кончалась, да и деньги тоже*), мы не могли отказать себе в удовольствии побродить по этому городу-музею и полюбоваться его прекрасной архитектурой.

Реймс, кроме того, является мировым центром производства шампанского. Чтобы у любителей этого напитка не случилось инфаркта, не стану описывать местные магазины шампанских вин, где вино разрешается дегустировать до упаду при одном условии – уходя, купить хотя бы одну бутылку. Мы купили несколько бутылок шампанского и коньяка.

* * *

Германию проехали без приключений, а с приближением чешской границы (тогда был конец зоны Шенгена) заволновались, вспомнив наш горький украинский опыт. И вот шлагбаум

---

⁶ Я хочу двигаться в Германию (англ., нем.).

⁷ Вы видите зеленую собаку на картине? (англ.)

⁸ Двигайтесь направо (англ.).

с надписью «Halt». Крупный пограничник в неприятной для меня немецкой форме приблизился к нам. Я вспотел от напряжения, но услышал только: "Guten Tag" и "Pass"⁹.

Когда же по собственной инициативе попытался показать ему документы на автомобиль, мужчина махнул рукой и, шелкнув отметки в паспортах, добавил: "Auf Wiedersehen, viel Glück"¹⁰. Но впереди нас ждали еще семь пропускных пунктов. Как и предполагалось, на них все пошло по нисходящей. Вернее, по восходящей, в смысле хамского отношения.

Братья славяне рядом

Уже чехи нас встретили более основательно – вчетвером. Двое изучали документы, двое проверяли все, что в машине. В результате оказалось, что надо еще раз купить наклейки экологической и транспортной пошлин, так как я неправильно их приклеил. Кроме того, немцы (*ну надо же*) неправильно заполнили какую-то графу в акте купли автомобиля. К счастью, один из проверявших багажник с радостным возгласом "О Франсе!?" уже достал оттуда коньяк.

Державший в руках документы дружелюбно улыбнулся и спросил: "Мий подарунок?". "Ну да", – ответил я. После этого он пояснил, что раньше нельзя было так заполнять акт, но по новой инструкции можно. Все четверо дружно произнесли – «наслэдано», сделав нам ручкой. Внимательно изучив карту, мы решили ночевать в Пльзени: завтрашнего светлого времени нам должно было хватить, чтобы пересечь Чехию, а может быть и границу.

Мы знали, что в Чехии много городков с прекрасными замками и парками, подобными французским, но после городов Западной Европы Пльзень не слишком нас восхитила. Готические постройки в ней наличествовали, все улицы, без единого дерева, как в Праге, были ухожены и аккуратно вымощены булыжником, с балконов свисали цветы. Но! Пятиэтажный блочный микрорайон, троллейбус из родного Энгельса, заправка с красной колонкой и большой металлической кнопкой на боку, воспринимались нами уже как ложка дегтя в бочке с медом. Многие чехи еще прилично говорили по-русски в память о почившем социалистическом лагере.

Наш расчет засветло пересечь границу Чехии со Словакией не оправдался. После Праги дорога пошла хуже, тем более – в горах, где населенных пунктов было немного, да и те не всегда указывались на карте. Ни попутных, ни встречных машин, мы ехали в полной темноте по горной дороге, подозревая, что заблудились, и начиная паниковать. Вдруг на наше счастье – встречные фары. Я выбежал на дорогу и остановил, к своему удивлению, «Москвич-412». Дедушка, сидевший за рулем, по-русски, однако, не говорил, и мы кое-как поняли, где пограничный переход. Так что вождеденный шлагбаум возник из лесной тьмы, как призрак, когда от усталости и нервотрепки мы уже валились с ног.

Чешский и словацкий посты находились рядом. По старой памяти, они дружно и эффективно «работали» вместе, но уже каждый в пользу своего молодого государства. В отсутствие других машин у поста начался такой прессинг, что волосы у нас встали дыбом.

– Мужчина, ваше водительское удостоверение не соответствует международному образцу, – задумчиво, произносит один.

– Но я же не сам его нарисовал, – возразил я.

– Ладно, с этим потом разберемся, а машину как купили?

– Не понял, в связи с чем такой вопрос?

– Документы у вас не в порядке, – улыбаясь, пояснил другой.

– Выйдите из машины оба, пожалуйста. Что перевозите можно посмотреть? – вступает в разговор третий. – На комплект резины чек есть?

---

⁹ Здравствуйте, паспорт (нем.).

¹⁰ До свидания, удачи! (нем.)

– Мне немец ее подарил, – отвечаю я, – разве не видно, что она не новая?

– Не важно, хотя вопрос спорный. Без чека конфискуется.

– Мадам, в коробочке новое ювелирное изделие? – тем временем терзал таможенник супругу.

– Да, вчера в Потсдаме приобрела, на память о Германии.

– На память это приятно, а чек можете предъявить?

– Возможно, сейчас посмотрю, – отвечает она, роясь в сумочке.

– Другие покупки есть? На каждую вещь необходимы кассовые чеки – иначе конфискуется. Сережки в ушах и кольцо на пальце новые?

– Да вы что, я их всю жизнь ношу, – со слезами в голосе, отвечает жена.

– Успокойтесь, что вы так реагируете оба? Сейчас разберемся. Импортное спиртное, кстати, не разрешено к провозу на территорию Словацкой Республики, – добавляет, обращаясь ко мне.

– Вот молодцы, – говорю. – Контрабандистов поймали? С ума сойти! Еще не видел такого беспредела!

– Гражданин, ведите себя прилично. Ситуация сложная, ждите начальство до утра. Мы не можем взять на себя ответственность, пропустив вас через границу.

Каков спектакль? А?! Имея оружие, я бы их убил, но оружие как раз было у каждого второго из них. В итоге, у нас отобрали все спиртное и триста долларов, после чего милостиво отпустили. От бешенства и безысходности дрожащими руками я с трудом удерживал руль. На этом можно и завершить рассказ о прибытии на славную словацкую землю, но добавлю последний штрих.

В первом же отеле, где валясь от усталости и голода, мы собрались отдохнуть, услуги предоставлялись исключительно за словацкие кроны. И только по секрету, из большого уважения к нам, администратор познакомила нас с барменом Влацеком, который согласился поменять немецкие марки на кроны, по какому курсу, неизвестно, а также выдал нам по бутерброду и налил кофе из личного термоса.

На другой стороне Словакии отбирать у нас было уже нечего, и любезный офицер, проверявший нас, открытым текстом предложил: "На сопредельной территории обычно большие очереди. Чтобы вам не мучиться ночью, я за сто долларов быстро оформлю". (Почему-то кроны здесь не котировались.)

* * *

Действительно, уже около четырнадцати часов следующего дня шустрая и лучезарная девушка приветствовала нас на украинской территории, подсказав на очень хорошем русском, куда поставить машину. Время от времени кордон пересекали автомобили. И со словацкой, и с украинской стороны. На нашей площадке таких, как мы, становилось все больше, но работники пропускного пункта в форменной одежде ходили мимо с озабоченным видом, не отвечая ни на какие вопросы водителей.

Через несколько часов ожидания в очереди возникли проблемы: не доставало торговой точки с водой и едой, начинали плакать дети. Главной же проблемой оказался туалет: с этой стороны границы его не было, с той был. За пять долларов можно было пересекать границу без отметки в паспорте любое число раз.

Туристы с детьми совершили паломничество в священную будку пограничников, умоляя пропустить за взятку. Их успокоили: "Ничего не надо, потерпите, сейчас поедете". Через час примерно, машины с детьми пропустили, а остальные продолжили стоять. За время долгого ожидания мы перезнакомились, образовалась даже группа из десятка машин, в которой всем, по крайней мере, до Тернополя, было по пути.

Один из этой группы, оказавшийся бывалым «гонщиком» серьезного «мерседеса» и проходивший эту «кухню» не раз, объяснил: "Нас специально промаринуют до полной темноты, а затем, с интервалом минут двадцать, будут выпускать, чтобы бандитам удобнее было нас встречать. Держимся вместе. Как только пересечете КПП, останавливайтесь и ждите остальных. Сразу за мостом мы въезжаем в Ужгород, на его окраине я знаю хорошо охраняемую гостиницу с автостоянкой. Не отставая, всей группой следуйте за мной.

На ужгородской стоянке, обнесенной высоким бетонным забором с колючей проволокой, каждому из нас выдали именную квитанцию на автомобиль. Со стоянки же, через черный ход, можно было пройти в гостиницу. Договорились в семь утра собраться в холле, где наш бывалый предводитель продолжил инструктаж: "Мужики, самое страшное проехать Закарпатье. Кто хочет, поезжайте со мной. По лесным дорогам, не обозначенным на карте, минуя крупные населенные пункты, я проведу вас до Тернополя, а там уж каждый за себя". Мы поехали с ним. Двигались плотной колонной, превышая скорость в населенных пунктах. Никто нас не тронул, лишь в одном селе на посту ДАИ вдруг встретили натянутыми поперек дороги шипами. Веселый капитан с жезлом приветствовал нас:

– Здоровенькі були, хлопці. Чому ж такий швидкий рух?

– Та бандитів злякались, – сказав я.

– Показались? Де ці бандити? Тут я найголовніший бандит.

– Ти диви, – продовжив он. – Ну заходьте до моєї хати, як кажуть.

В помещении, просмотрев наши документы, обратился ко мне:

– А ти що, українську мову розумієш?

– Трохи.

– Тутешній?

– Та ні, з Ростову.

– Так, диви Петро, – обратился он к своему напарнику. – Мені треба їхати, з усіх по четвертаку, а с того, що українську мову розумію – п'ятерик.

Далее, по всей Украине проехали без происшествий.

Отдохнули еще несколько дней у друзей в Донецке. До дома оставались какие-нибудь четыре часа езды – рукой подать. Но не тут-то было: за десяток километров до границы, на обыкновенном посту ДАИ, нас остановил старший сержант и начал измываться по полной программе.

– У нас что, уже пограничный переход? – поинтересовался я.

– Нет, но скоро, поэтому я обязан быть особо бдительным.

– Меня уже столько раз проверяли, что сил нет.

– Скажите, а сколько дней вы были на Украине? – словно не слыша меня, продолжил он.

– Разве в паспорте отметка не стоит?

– В том-то и дело, что на Украине вы были более десяти дней, тогда как имеете право находиться в транзитной стране только пять.

– Украина для меня не транзитная страна. Я гражданин России, а у нас безвизовый режим.

– Да? Но вы едете из Германии. Сейчас будем разбираться.

– Если в смысле материальном, то такие как ты отобрали уже все, что только возможно.

– Нет, я в смысле соблюдения закона.

– Тогда разбираться должны пограничники, я думаю, а не ДАИ? Позвони, куда считаешь нужным, – добавил я.

– Не надо меня учить, поставьте машину в сторонку, последовал строгий ответ.

В «сторонке» мы простояли несколько часов. На наше счастье подъехал майор, начальник бдительного сержанта, которому жена и отправилась объяснять нашу ситуацию. Майор

демонстративно громко приказал: "Извинись и отпусти людей". Сержант отдал документы и раздраженно буркнул одно слово: "Паняйте!"

Костеря Украину, мы уже надеялись, что наши мучения позади: "Один переход – и Россия!" Ага, шас! Как ни странно, украинцы отпустили нас довольно быстро. И вот я уже в российском пропускном пункте, за белой чертой, не далее ста метров, хорошо видна надпись "РОССИЯ, Ростовская область, г. Новошахтинск" Дружелюбно настроенный пограничник лет тридцати с интересом расспрашивал меня о моем автомобиле БМВ. Интересовался, за сколько купил, какой двигатель, какой пробег, как себя вела машина в пути, какова максимальная скорость и сколько бензина расходует. Пограничник поздравил меня с удачной покупкой и признался, что сам давно собирается поехать в Германию за машиной – да вот, никак не соберется.

Любезно предложил выпить с ним кофе, собственноручно приготовленный. Выяснилось, что мы земляки, оба ростовчане и даже оба живем в Западном микрорайоне. Почти родственники, как он выразился.

– Простите, я вас, наверное, задерживаю? Сейчас, последний штрих, – сказал пограничник, делая какие-то пометки в многочисленных бумагах.

– Да нет, что вы, наоборот, после многих ваших иностранных коллег так приятно поговорить со своим человеком.

– Паспорт давайте, – сказал он, дружелюбно улыбнувшись.

– Вот же, перед вами лежит.

– Это загранпаспорт, а мне нужен общегражданский.

– Я не брал его с собой, на других границах он никого не интересовал.

– Неважно, что на других границах, а у меня инструкция, которую, при всем уважении к вам, я не имею права нарушать.

– Какая-то глупая инструкция, зачем это? – спросил еще спокойно я.

– Согласен, но инструкция требует информацию о прописке.

– Но я прекрасно помню, где живу.

– Валерий Борисович, посмотрите – вот человек едет в Пятигорск, а этот вообще в Москву. У них проблемы, я понимаю. А у вас какие проблемы? Через несколько минут, кстати, идет электричка в Ростов, поезжайте домой, отдохните. За автомобилем вашим я присмотрю, а утром привезете паспорта, все правильно оформим и счастливого пути, – спокойно объяснял мне "почти родственник".

Служебным телефоном, стоявшим у него на столе, посторонним пользоваться, как выяснилось, не разрешалось. На украинской стороне, как мне подсказали собратья по несчастью, была почта с междугородним телефоном, которая через пятнадцать минут закрывалась. Взыченный, в последние секунды до закрытия я дозвонился сыну, на счастье, оказавшемуся дома, и попросил его приехать с паспортами на пропускной пункт.

С невозмутимым видом, бдительный "почти родственник" вписал в соответствующую графу место прописки и на прощанье сказал: "Ну вот, а вы волновались. Счастливо, приятно было познакомиться".

* * *

Я бы мог еще описать прелести растаможивания автомобиля, но рука утомилась от негатива. Зато наконец-то! Я владел прекрасным автомобилем! А в качестве бонуса приобрел еще ряд неведомых мне ранее привилегий на дороге: все водители незамедлительно перестраивались вправо, как только я к ним приближался, и спокойно ждали, когда я завершу маневр, никто не пытался занять передо мной освободившееся место парковки, не подрезал и не "лез в лоб" по встрече. Даже гаишники разговаривали со мной спокойно и доброжелательно.

Однажды меня остановили на посту ГАИ перед въездом в город. Открываю бумажник и выясняю, что переодеваясь, забыл дома права. Прошу сотрудника: "Простите, забыл документы! Разрешите мне съездить домой. Через тридцать минут вернусь с ними". Он отвечает: "Да зачем же. Я вас часто вижу, а остановил потому, что фары горят. Не думаю, что владеете аккумуляторным заводом (тогда ездили еще без света фар). Я поблагодарил его и поехал дальше.

Сидя в БМВ, я часто ловил на себе завистливые и восхищенные взгляды окружающих и, так уж человек устроен, что, к своему стыду вдруг стал замечать – мое лицо за рулем автомобиля регулярно приобретало надменное выражение. Потребовался определенный самоконтроль и упражнения по исправлению мимики. Появление этой замечательной машины совпало с началом строительства загородного дома, так что она часто использовалась и как грузовик. Возил я в ней цемент, трубы, бревна, сварочные аппараты и прочее. Однажды даже собрал толпу зевак, которая восхищенно кричала: "Идите сюда! Смотрите, какой-то чокнутый грузит кирпичи в БМВ!"

Стройка съедала все деньги и время, а кроме того нужно еще ездить на работу. Мы с БМВ носились, как угорелые. БМВ было трудно совмещать функции грузовика и представительского автомобиля, и как я его ни берег, обивку салона все-таки пришлось поменять. Через пять лет, когда дом был построен, пробег автомобиля угрожающе приблизился к тремстам тысячам. Все чаще возникали поломки, и мне с сожалением пришлось расстаться с любимым транспортным средством.

После этого, по очереди с сыном, мы пользовались подержанными автомобилями «Опель-Омега-А» и «Рено-Купе-Спорт». Оба были с большим пробегом, требовали постоянного ремонта и заботы. Вдобавок, оба оказались криминальными: «опель» – с перебитым номером агрегата, еле отделался от него, а «рено» числился в розыске Интерпола – год судились с регистрационным отделом ГАИ. Добрых воспоминаний о них, конечно, не осталось.

В заключение – позитив

После 2000 года, постепенно ситуация на российском авторынке улучшилась настолько, что появились салоны, торгующие новыми иностранными машинами. И в 2004 году произошло эпохальное событие в моих взаимоотношениях с иномарками, я приобрел "Рено – Меган" в "заводской упаковке". Радости моей не было предела, она даже будила меня ночью, и я шел посидеть в своем авто, вдохнуть запах нового салона. Уже вскоре я поменял его обивку на кожу, и аромат стал еще прекрасней.

Двигатель, правда, был небольшого объема – 1,6 л и максимальная скорость меньше, чем у БМВ, зато динамика даже выше. На магистралях, наравне с «мерседесами» и «ауди» не теряя темпа, мой «рено» запросто выходил со скоростью 170–180 км/час на любой подъем. Удивительно, но эта машина, кажется, вообще не ощущала подъемов и спокойно увеличивала скорость. По комфортности, конечно, она БМВ уступала, но незначительно. На «рено» мы, освободившись от забот по строительству, совершили немало поездок по стране. На карте европейской части России проще показать точку, где мы не были. Постоянно ездили за грибами в Ярославскую, Костромскую и Вологодскую области, привозя их мешками. Путешествовали по Золотому кольцу, на Валдай и Селигер, посетили все доступные ущелья Кавказа.

Так неторопливо сбылись мечты моей молодости, правда к пенсии, как и у других людей моего поколения, которые сами были вынуждены зарабатывать на свой автомобиль. Когда пробег «рено» перевалил за 150 тысяч, не дожидаясь поломок, я продал его цивилизованно, то есть в приличном состоянии.

Взамен купил хорошую «американку» японского происхождения – «Мицубиши-Галант», большой представительский автомобиль с полным «фаршем», кожаным салоном и интеллек-

туальной коробкой «автомат-спортинг». Пробежала она без намека на какую-то либо поломку уже 120 тысяч. А что пенсионеру надо? Езжу на ней в горы Кавказа и на рыбалку, на рынок за продуктами и в гости, словом в пир и в мир, надеясь, что на мой век ее хватит.

03. 2015

Вокруг Самотлора (или запах багульника)

Самотлор – крупное, мелководное озеро в Нижневартовском р-не Тюменской Области. Под ним и вокруг него крупнейшее в СССР месторождение нефти. Разработка его вызвала бурное развитие севера Западной Сибири. В заболоченной тайге, выросли города: Нижневартовск, Сургут, Мегион, Нефтеюганск, Лабитнанги и целый ряд других. За период времени с 1970 по 1985 годы население Тюменской области выросло вдвое (с 1406 тыс. чел. до 2 837 тыс. чел.).

(По материалам Википедии)

Охмурили

В 1970 году, наивно полагая, что ведущий специалист в области разработки радиоаппаратуры, легко и с радостью буду принят пионерами освоения нефтяных богатств страны, я предложил свои услуги Тюменскому управлению с громоздким названием "Востокпромсвязь-монтаж". Меня быстро снабдили бесплатным билетом в Нижневартовск (тысяча километров на север от Тюмени), пообещав, что по прибытии я буду обеспечен жильем и очень интересной работой. "Вас там встретят и определят", – заверили меня работодатели. И уже вскоре я, ошеломленный, смотрел через иллюминатор самолета на сплошную зелень тайги внизу, в которой все чаще стали проблескивать вкрапления озер. Постепенно ландшафт стал напоминать пчелиные соты неправильной формы: узкие перемычки – тайга, а блестящее пространство – вода. Наступили сумерки, и зрелище стало еще фантастичнее. На перемычках до горизонта горели десятки костров. Не сразу дошло – факелы, сжигают попутный газ. Я читал о них, но не думал, что в таких масштабах. Костры сопровождали нас не менее полчаса полета. То есть сотни километров?

Наконец самолет приземлился. Кроме фонарей посадочной полосы и тусклых отблесков ветхого аэровокзального строения никаких огней не было. В темноте угадывался десяток вертолетов. Толпа пассажиров пошла к бараку аэропорта. Я с ними. Воздух прохладен, даже слишком, для августа, с резким запахом хвои. Понятно, что хвойные породы здесь преобладают, но почему так сильно пахнет? Я еще не знал, что такое багульник, которым благоухает до умопомрачения вся Сибирь. С ароматом хвои успешно конкурировал сильный запах солянки, оставшуюся часть «атмосферы» заполняли комары и гнус. От непривычного «букета» болела голова.

Прилетевших людей становилось все меньше. Мне объяснили: "Рейсовых автобусов нет, дорога одна, только в Нижневартовск; садись, не спрашивая, на любую технику, выйдешь в центре, а там доступно все пешком".

Вскоре машина – помесь автобуса и тягача «Урал» – доставила меня к началу улицы Пионерской. Болтанка была настолько сильной, что я мало чего успевал заметить за окном.

Но как пешехода меня поразило все. Улица застроена двухэтажными домами из почерневшего деревянного бруса. Перед каждым домом огромная лужа и завалы хлама. Деревянный тротуар, отдельные доски которого прогнили и провалились, а другие грозили обрушиться под твоими ногами. Прохожие были странно одеты – в засаленные ветровки прочного брезента, и странно обуты – в невероятно грязные болотные сапоги. У одних голенища сапог были подняты до самого паха, у других верхняя часть опущена до низа, а у некоторых ниже колена – интеллигентная «скаточка». Позже я понял – сапоги необходимость: оступившись ты рискуешь

провалиться, хорошо, если в воду, а то и в грязь. Вдоль улицы изредка встречались странные деревца – березы и хвойные со сломанными верхушками. Потом я узнал, что это нормально на болотистой почве...

* * *

В конце улицы Пионерской стоял одинокий прямоугольник из труб (въезд), поверху которого были неаккуратно вырезаны сваркой буквы "Востокпромсвязьмонтаж" и ниже «МУ-4», то есть Монтажный участок № 4 – цель путешествия. По периметру двора стояло несколько вагончиков с надписью «Минстрой», в которых жили люди, судя по бельевым веревкам и разбросанной утвари. Прямо находилось большое одноэтажное строение – контора – и несколько помещений с воротами, вероятно, гаражи.

Из вагончика вышел человек, низкорослый, щупленький, обут в болотники, сверху фуфайка. Выглядел он не то чтобы невзрачно, а до крайности просто. Удивила очень белая кожа, без намека на загар.

– Надобен кто? – спросил он, с интересом глядя на меня.

– Кто-нибудь из руководства, – отвечаю.

– Владимир Иванович, поди, скоро будут.

Разговорились, познакомились, это оказался не кто-нибудь, а личный водитель моего будущего шефа – Ростиллов Слава. Меня удивили его слова «надобен», "поди", «откуль», "пошто", «резон» и другие, значение которых я знал, но никогда не употреблял и не слышал, чтобы их произносили. Думаю, я тоже озадачил его своим городским видом и южно-российским "г".

Коренного населения город практически не имел. Половина приезжих со всех концов Союза говорила на своих языках и диалектах, а другую половину (примерно поровну) составляли украинцы и татары.

Появился шеф. Довольно прилично одетый узкоплечий мужчина лет сорока, весь кругленький, копия Йозефа Швейка, если так можно выразиться, только похудевший. Он сразу понял, кто я и спросил: "Новый прораб?" Затем добавил, протянув руку: "Колов Владимир Иванович". Я тоже представился. Пошли к нему в кабинет. Начали с главного – жилье, работа жене, детский сад ребенку.

– Пока гарантирую только работу тебе, – огорошил меня он.

– Мне в Тюмени сказали – жильем буду обеспечен.

– Много они там понимают. Есть вагончик, где жил твой предшественник, но его захватили бичи, попробуй еще их выселить. В ближайшие дни найду тебе временное жилье одному, пока с бичами разберемся, пару дней у моего водителя поспишь. А сейчас, если не устал, поехали, покажу твои объекты.

Слава подал шефский транспорт. За пятнадцать лет на Севере я достаточно видел экзотической техники, но ГАЗ-59, «козлик» с брезентовым верхом, с удлиненным капотом как у ГАЗ-51 – чудо. Изнутри он был обшит несколькими слоями байковых одеял для утепления, подушки сидений из толстой пористой резины покрывал неимоверно засаленный старый ковер. Под ногами ворох промасленных тряпок. Садиться в такой салон чисто одетым не хотелось, но у меня не было выбора. Естественно, иностранного слова «амортизация» ветеран нашего автопрома не знал, но у него было неоспоримое и определяющее преимущество – высокая проходимость. Я был поражен, как легко он преодолевал горы песка и строительного мусора, перемещаясь внутри строящихся микрорайонов и ныряя в лужи ниже "ватерлинии".

Колов показывал новостройки, называя номера домов и генподрядных управлений, совершенно непонятно зачем.

– Подожди, – сказал я, – а при чем здесь Промсвязьмонтаж?

– Промсвязьмонтаж – шокировал он меня ответом – это слаботочные кабельные сети. Радиофикация, телефонная проводка, кабельная разводка от коллективных телеантенн, в жилых домах в частности. Вот так попал я на "очень интересную работу".

Вечером Слава любезно пригласил меня в персональный вагончик. Он с гордостью объяснил происхождение характерного запаха в его жилище. Оказалось, поскольку у Славы был маленький ребенок, он вырыл в «предбаннике» яму для отправления естественных потребностей: для доступа к ней надо поднять кусок фанеры. Скажу, что остальное население нашего МУ-4, пользовалось обычным уличным вариантом "гей славяне". Зимой обязанностью мужчин было скалывать «сталагмит», норовящий подняться до уровня отверстия. Что характерно, даже при температуре минус 50, когда процесс замерзания происходил практически мгновенно, запах не исчезал.

План – закон!

"Введение в курс" времени много не заняло. На трех отдельных листочках были перечислены объекты, которые сейчас в работе, объекты ближайшей перспективы и незавершенные. Круг обязанностей оказался также неширок.

Во-первых, проинструктировать и отправить рабочих, снабдив их материалами и инструментом. Через два-три часа обязательно проконтролировать, выполняют ли они порученное, так как постоянно норовят сбежать с работы или сделать еще «лучше» – продать материалы.

Во-вторых, проехать к заказчикам с целью подписания бумаг на фактически или как бы выполненные работы. Подписанная процентовка – это деньги на счете участка, которые использовались на зарплату и материалы, а остальные переводились тюменскому управлению, где целая свора счетоводов направляла их по таинственным, только им известным путям.

В-третьих, донимала постоянная мука оформления нарядов на зарплату. Искусство прораба заключалось, кроме всего прочего, и в умении строго по нормам и расценкам высосать из пальца максимум оплаты за фактически невыполненную работу. Но при этом формально все должно было выглядеть абсолютно честно.

Над всем трудящимся населением СССР довлел лозунг:

"План – закон. Выполнение его – долг. Перевыполнение – честь". Для достижения этой великой цели строительные боссы, заместители начальника ОКСа, или даже сам начальник, еженедельно проводили планерки – с целью стимулирования выполнения долга или достижения чести.

Действо это происходило так: "Ты! Встань, докладывай, когда закончишь", – сурово вопрошал босс. Отвечающий старался максимально обоснованно излагать причины, объективно мешающие ему выполнить долг. Лицо начальника багровело, и он самозабвенно начал орать: "Я тебя, сука (*самое мягкое его выражение*), не спрашиваю о твоих проблемах. Я спрашиваю, когда?" И далее – следующие бедолаги.

Наконец босс уставал: "Все, паразиты, всю душу вытрепали. Собираемся через две недели. Свободны!" Присутствовавшие в основном знали друг друга и расходиться не спешили. Собирались группами, у кого позволяло место, пить водку. Обычно, не менее литра на душу, с закуской чем бог послал. Сигналом к окончанию банкета являлись падения со стула. Первый упавший вызывал бурное веселье. Все громко спорили, кто же был первым прошлый раз. Когда число упавших возрастало, народ неизвестно как рассасывался, но некоторые оставались до утра на полу хозяина кабинета. Такие попойки начали быстро меня тяготить, и я попытался отлынивать, чем вызывал неодобрительные высказывания собутыльников о неуважении к прекрасной компании.

Колов не обманул, мои бытовые вопросы решились. Бичей успешно выселили. Прилетела жена с ребенком. Вагончик привели в образцовый порядок. На наши обои, ковер на полу, чистую мебель и красивые часы на стене соседи приходили любоваться. Места оказалось достаточно и для детского уголка.

По штату мне полагался мастер, и я уговорил Колова взять на эту должность жену. Она быстро вникла в "бумажную часть", чем значительно облегчила работу мне и всему участку. Колов восхищенно говорил: "Надо же, а я сначала не хотел брать женщину на это место. Да ей можно поручить всю нашу бухгалтерию". Совершенно неожиданно ко мне обратился начальник СМУ «Пермьстрой» с просьбой выполнить работы по телефонизации и радиофикации детского сада, которые не входили в сметную стоимость. Нашли компромисс: одна из бригад

моего прорабства бесплатно выполнила необходимую работу за два места в садике – для моего сына и сына бригадира. Таким образом, вся моя семья оказалась при жилье и занятости.

С кем поговорить?

На первых порах много сил отнимала доставка воды молочными бидонами и рубка дров. Буржуйка давала достаточно тепла, но при условии непрерывного горения. Полгода в бытовых заботах пролетели незаметно. Затем на первый план вышла более сложная проблема – отсутствие комфортного круга общения. О компании падающих со стула собутыльников я рассказал, духовной пищи там было мало.

В круг моего постоянного общения входили рабочие, сотрудники конторы и представители заказчика, но дружеские отношения у нас не возникали. Мужчины вели себя отчужденно – не из неприязни, а нет общих тем. Теснее контакт был у женщин: рецепты приготовления пищи, воспитание детей и различные бытовые мелочи.

Надо сказать, что разница в интеллекте играла, конечно, свою роль. Но определяющим, наверное, было то, что каждый чувствовал себя здесь временным. Основная жизнь ожидала нас там – на "большой земле".

Дерсу Узала – Саша

Водителем моего персонального автомобиля ГАЗ-53 – оказался Саша. Крупный мужчина, лет тридцати, с большим животом, из Пензенской области. В речи его вместо короткого нет было слово с протяжкой первого слога «не-е-ту», ну и ряд других, менее экзотичных. Имел Саша вредную привычку постоянно грызть семечки, выплевывая где попало шелуху. На замечания вроде "Что ты плюешься как верблюд?" Отвечал простым «Отойди». Матом ругался, не обращая внимания на присутствующих. Если просили этого не делать, парировал: "Ну что поделаешь, с детства привык".

При всем вышесказанном, Сашу уважали и, было за что – исполнительен, никого не подводил, ни с кем не ссорился. Для меня же Саша стал сэнсэем и Дерсу Узала в одном лице. Он жил здесь давно и знал многое, о чем я и понятия не имел. Мы ездили с ним на рыбалки, за грибами, ягодами и кедровыми шишками. Ели, как ханты, живую стерлядь, макая ее в соль. Большой Сашин опыт часто выручал нас, в этих довольно опасных поездках.

Однажды выходили из тайги по болоту к машине. Каждый нес на загривке мешок шишек, придерживая снизу руками. Я шел впереди. Явные топи встречались редко. Под ногами толстый слой мха, кое-где видны кустики багульника, черники, попадались тоненькие, чахлые деревца, с характерными для болота сломанными верхушками, что говорило о безопасности данного места. Если же появлялись красные вкрапления ягод клюквы, мы становились внимательнее и стараться не наступать на черные влажные участки, свидетельствующие об опасной близости воды. Ощущение было такое, словно идешь по надувному матрасу. Иногда появлялся пугающий звук "Чавк... чавк... чавк!", но дерн выдерживал вес человека. Мешок натирал мне плечи, голова была неудобно опущена, пот заливал глаза – бдительность притуплялась. И вдруг я резко провалился, пробив телом слой корней около пятидесяти сантиметров, ниже была вода. К счастью, не выпустил из рук мешок, и он удерживал меня на поверхности. Саша громко крикнул: " Не выпускай мешок! Не болтай ногами. Просто отдыхай. Я сейчас!"

У бывалого, запасливого Саши, конечно, оказалась вокруг пояса веревка, которую он бросил мне: "Отпусти одну руку, намотай конец на кисть. Теперь вторую Я безропотно повиновался и, как в кино, был выволочен на безопасное место мокрый и грязный. Злополучный мешок мы также выловили в целости и доставили к машине. Фактически Саша спас мне жизнь".

Однажды на зимней рыбалке наловили много окуней, шли счастливые к стоявшей в двадцати метрах ГАЗ-53 и оба провалились в ледяную воду. Не знаю, какая была температура воды (наверное +4), а воздуха –35. Утонуть мы не могли, так как сразу под ногами почувствовали трубу теплого нефтепровода (откуда и полынья). Мороз был сильный, и ширина этого подснежного ручья не превышала метра. Но пока мы шли в промокшей одежде, от которой с хрустом отваливались куски льда, ужас от сковавшего холода подсказывал нам, что смерть близка. Возле автомобиля, с большим трудом помогая друг другу, сняли одежду. В кабине сидели совершенно голые, пили спирт из горлышка и громко орали песни. Саша пел: "А зна-а-аешь, когда боссиком нажжжимаешь на педали-и-и-и, ступня-а-а-ам так тепло-о-о-о!". Замечу, гаишников тогда в Нижневартовске не было.

Вспомнил вообще страшный случай, который сегодня кажется даже смешным. Осенью небольшой толпой поехали на охоту. Вечером подожгли толстый ствол валежника и, съев нескольких фазанов и выпив немереное количество спиртного, улеглись вокруг горящего дерева спать. Саша лежал со мной рядом на спине, его огромный живот был опоясан патрон-ташем с торчащими вверх, к голове, патронами. Он громко храпел, мешая мне толком заснуть. Я часто просыпался и прикладывался к большому ковшу воды, стоящему рядом (все-таки Бог есть!) Но в очередной раз проснулся я отгромкого звука выстрела. Страшная картина! На

Сашке тлеет фуфайка, патроны на нем стреляют, но заряды уходят выше головы – пузо спасает. Быстро вылил на Сашу ковшик. Зашипело облачко пара, а спящий, приоткрыв глаза, пробормотал: "Ну и на хера такие шутки?"

Получилось, мы в расчете – я тоже, вероятно, спас ему жизнь.

Таким образом, Саша, помимо жены и сына, первое время оказался единственным близким мне человеком. Биография его проста как грабли: восемь классов – курсы шоферов – армия – работа в колхозе – дальняя поездка на заработки для приобретения жилья, поскольку есть жена и двое детей. Кругозор Саши соответственно не поражал широтой, потому он с жадностью слушал мои рассказы о Черном море, горах Кавказа, Москве, Ленинграде, Чехии и Праге, об устройстве телецентра, и считал меня "страшно умным". Если я долго молчал, он просил: "Че молчишь? Расскажи чевой-то". Если его заинтересовывало что-то услышанное, всегда спрашивал: "Как думаешь, правда?"

Мы были нужны друг другу.

Работа и люди – все родное душе

По прошествии двух лет тоска по родственным душам стала невыносима. И тут мне была поручена "очень сложная" работа по монтажу какого-то примитивного концентратора в кабинете директора ЦНИЛ. (Центральной научно-исследовательской лаборатории). О профиле лаборатории подумал: что-то связанное с органикой нефти – не интересно. Но из полуоткрытой двери одной из комнат третьего этажа доносился шемящий душу запах канифоли. Я заглянул внутрь: " О Господи! Там паяли!" Зашел поговорить. Оказалось, ее сотрудники разрабатывали приборы для применения ультразвуковых методов исследований в нефтедобыче. То есть прикладная радиотехника, геофизика – это же счастливый шанс! И через две недели я вдыхал запах канифоли каждый день, а Люба (жена) справлялась одна и за прораба, и за мастера, что позволяло нам продолжать жить в вагончике. Очень хотелось, конечно, к зиме избавиться от проблем с водой и отоплением. В перспективе ЦНИЛ строила дом, но мне, новенькому, благоустроенная квартира вряд ли светила. Зато работа в лаборатории была замечательна сама по себе, и там работали мои единомышленники, – в основном.

Сначала о директоре. Имя забыл. Фамилию помню – Чернобай. Она соответствовала его характеру и поведению. (*Не в смысле сквернослов, а в смысле: надменная, самовлюбленная и угрюмая личность.*) Наверное, он был офицером в отставке, но возраст генеральскому званию не соответствовал, хотя манеры – да. Внешне директор выглядел очень презентабельно. Говорил спокойно и тихо, мне казалось, намеренно подчеркивая свое превосходство. Понятно, что руководитель занят больше всех и не имеет возможности любезно общаться с каждым. Но Чернобай дистанцию держал жестко. К нему вхожи только начальники отделов. Не знаю, как он вел себя с ними.

Мне неизвестен случай, чтобы кто-то из сотрудников был с Чернобаем в одной компании, или он поздравил кого-то с радостным событием, или похвалил. Все избегали встреч с ним даже в коридоре, что было не трудно – он шел, никого не замечая, и на приветствия отвечал "кивком ресниц". Среди научных работников такое редко встречалось. Обычно авторитет руководителя определялся компетенцией и научными работами. Чернобай же не имел даже степени кандидата, хотя, вероятно, хотел достичь в науке больших высот.

Все мы работали, прежде всего, на него. Любой сотрудник, написавший статью в научный журнал или подающий заявку на изобретение, через своего начальника, испрашивал дату и время аудиенции у босса. Тот, мельком прочитав, царственно ставил свою подпись первой. Таким образом, он публиковал до десятка статей в месяц и получал несколько свидетельств на изобретения, зачастую толком не понимая, что изобрел. Это обычная практика – кому интересен истинный автор, знайте, его подпись последняя.

Одно качество Чернобая не вызывало сомнений – организаторские способности. Благодаря им, наша лаборатория имела все: немало умных сотрудников, современные приборы и оборудование, замечательное опытное производство, где работали «Кулибины», из чертежа от руки создававшие уникальный образец, в чем я сам неоднократно убеждался, воплощая свои идеи.

Отдел ультразвука ЦНИЛ не был многочисленным. Трое разработчиков – Юра Смышляев, Володя Петров и ваш покорный слуга – имели опыт работы в НИИ или КБ и еще ряд инженеров конструкторов-чертежников. На троих полагался один радиомонтажник Зиязов Фаниз Нуриевич, который выполнял свою работу безукоризненно. Простой радиолюбитель, но надежен как скала. В нарисованную наспех на клочке бумаги принципиальную радиосхему он вдыхал жизнь, или не вдыхал, если мы плохо думали. Тогда мы ее переделывали, и он снова паял и паял. Запах канифоли шел от его стола.

Наш патентовед Света Гончаренко, выпускница Киевского университета, на "большой земле" работала в патентном отделе НИИ им. Патона. Она вела переписку с профильными научными журналами, готовила к печати статьи, находила нужную нам информацию и составляла заявки на изобретения, что без специфического умения автору самому сделать довольно трудно.

Руководил нами с. н. с. Мингазов Рустем, выпускник казанского университета. Он с большим жаром, приводя массу исторических фактов, убеждал нас, что казанские татары (булгары) не имеют никакого отношения к проклятым татаро-монголам, покорившим Русь. Мингазов особо не вникал в нашу работу, у него было другое предназначение: прочитывал тома бюллетеней по изобретениям, находил то, что было ему понятно, вносил непринципиальные, незначительные изменения и, вместе с Чернобаем, подавал новую заявку, почти всегда получая на нее положительное решение. Наши изобретения множились как на дрожжах, и Света помогала нам не покладая рук.

Кроме перечисленных выше лиц эпизодически появлялись девочки-практикантки из Тюменского индустриального института. Они успешно подавали нам чай, виртуозно нарезали кусочки колбасы и сыра для междусобойчиков. Когда срок их практики кончался, кто-нибудь из нас писал для них отчет. Одни практикантки исчезали – появлялись новые.

Над всеми возвышался начальник отдела. Даже фамилию его не помню. Практически неграмотный человек, без чувства юмора. Говорил и ходил он очень громко, смеялся невпопад, но совершенно не мешал нам, а мы ему. Когда же требовалось сделать доклад или составить отчет о работе, поручал это нам, поскольку был косноязычен и не владел терминологией. Начальник специализировался на походах в кабинет директора и передаче его руководящих заданий подчиненным. Атмосфера в отделе была доброжелательной и веселой. Темы для дружеского общения неисчерпаемы. На работу все шли с радостью. Это была моя среда. Зато среда, в которой я жил была невыносима. Пользуясь своими связями среди строителей, переселись из вагончика в общежитие СМУ-33. Проблема дров, воды и тепла решена. Но соседи! Представляете Вы себе общежитие общестроительных рабочих? Думаю, что нет. Я уже не говорю о состоянии мест общего пользования, а круглосуточный грохот отвратительной музыки, а постоянные драки в коридоре, а сплошной мат и пьяные рожи, лужи крови и мочи в коридоре! И все это на глазах маленького сына. Положение нам с женой казалось настолько безысходным, что мы подумывали бросить все к черту и возвращаться на "большую землю".

Но вдруг – явление ангела в женском обличье! Вечером приходит к нам Света Гончаренко и говорит: "Сейчас у моего мужа в гостях один товарищ. Как я поняла, из их разговоров, он организует новую лабораторию и ему требуются два ведущих специалиста, которым предоставят жилье".

– Ну и что? – выразил удивление я.

– Как и что? Профиль работы связан с радиотехникой. Я рассказала ему о тебе, он захотел познакомиться.

– Света, я сейчас не могу, я выпивши.

– Вот и хорошо. Они совсем пьяные. Быстрее договоритесь.

– Пошли, – настаивала эта умница.

Я согласился.

За столом сидел хозяин дома – стройный красавец (Аполлон да и только), бывший офицер и любимец женщин Миша Гончаренко, а напротив него – очень крепкий, белобрысый мужчина моих лет, с простым лицом. Одет он был в джинсы и домашней вязки толстый белый свитер. На протяжении многих лет нашего знакомства эта любимая им форма одежды не менялась.

С первых же фраз гостя я почувствовал в нем сильного духом, целеустремленного человека с высокой самооценкой и широкой эрудицией. Однако ни годы обучения на престижном физическом факультете Харьковского университета, ни проживание в окружении местной технической элиты не придали ему городского лоска. Мельком встретив его, я бы подумал – заурядный сельский труженик, но глаза эрудита.

– Витя, – представился он мне крепким рукопожатием.

– Валера, – ответил я.

– Ну рассказывай, где работаешь, чем занимаешься. Кем был на "большой земле"?

Я подробно рассказал о своей трудовой деятельности и бытовых проблемах.

– Думаю, ты подходишь. Могу гарантировать должность ведущего геофизика. Что касемо жилья, решение принимает Коноплев. Слышал о таком?

– Нет, – ответил я.

– Коноплев – начальник экспедиции Уфимского НИИ геофизики. Единственный кандидат наук в нашем городе. Он будет финансировать отдельную партию проблем бурения, которую я хочу создать. Пока нас трое: я, твой коллега Артеменко Олег – главный конструктор, и вероятно, ты. Я доложу Коноплеву. Света расскажет, где и когда ты с ним встретишься, – ответил Виктор.

– А теперь давай пить водку, – добавил он, наполняя рюмки.

Вот так началось знакомство с Виктором Горожанкиным, который сыграл очень значительную роль в моей жизни.

Через несколько дней я сидел в кабинете Коноплева. Он был полной противоположностью Горожанкину. Щуплый мужчина лет сорока, в безукоризненном костюме, белой рубашке с галстуком, с мягкими манерами и спокойным тихим голосом. Постоянно дружелюбно улыбался. Весь какого-то столичного вида, с бледновато-желтым цветом лица, хотя сам был южанин – из Краснодарского края.

– Виктор сказал, что вы работаете у Чернобая? – спросил Коноплев.

– Да. В отделе ультразвука, – ответил я.

– А чем конкретно последнее время занимались?

– Точкой кавитации нефти в скважине. Разрабатывал прибор. Даже авторское свидетельство получил. Сейчас проходят испытания опытного образца.

– Меня эта тема интересует. Вы читаете "Нефтяное хозяйство"? – спросил он, доставая из стола последний номер журнала. – Посмотрите, интересная идея: "Демпфирование резонирующего вибратора, вследствие изменения плотности среды". Правда, здорово!?

– Это моя статья, – сказал я.

– Простите, я не обратил внимания на фамилию. Тогда не будем отнимать время друг друга. Вопрос решен – работаем вместе. Вот, возьмите ключ от квартиры, адрес сейчас напишу, можете занимать хоть сейчас. Приятно было познакомиться. До свидания. А вопрос перевода с Чернобаем решу, добавил он мне в след. Не забыл ли я тогда от радости сказать "до свидания" ему?

Так выглядит счастье

В автобусе ехал домой, и радостная улыбка не сходила с моего лица. Казалось, все оглядываются на меня и улыбаются в ответ. В голове снова и снова проигрывал сцену в кабинете Коноплева, сжимая в кармане ключ от нового жилища, – боялся вынуть руку, чтобы он не исчез. Дома жена долго не могла поверить, что ключ настоящий, от настоящей квартиры. Переехали на другой день. В пустых и просторных трех комнатах ребенок научился ездить на велосипеде, а собачка бегать сломя голову. Наступила самая светлая полоса моей жизни.

Главный конструктор Артеменко, спортивного телосложения, в добротном полосатом костюме, черноволосый и веселый украинец сразу мне понравился. Вот его, город обтесал и принял за своего. Даже звук «г» он произносил, как москвич. Наверное, потому что был сыном учительницы русского языка. В движениях Олег был резок и порывист, по складу характера непоседа и трудоголик.

Единственная странность Олега Анатольевича заключалась в хроническом подозрении, что окружающие специально хотят его обидеть. Это, правда, было не далеко от истины, но исключительно в силу его добродушного и покладистого характера. Все близко знавшие Олега ласково называли его Олежкой, а его сына – маленьким Олежкой. Только к 60 годам, для некоторых он стал Олегом Анатольевичем, но для близких так и остался Олежкой. По большому счету недостатков у него нет, мы дружим с ним до сих пор, несмотря на расстояние в 4000 км.

У Вити же был отвратительный недостаток – крепко выпив, он вел себя по-хамски, и, сам страдая, не мог перевоспитаться. Часто «получал» от прохожих, и прилично, – несмотря на боксерские навыки, которые продемонстрировал в первый же раз, как мы пришли с женой к нему в гости. Послеприятного застолья, уже провожая нас, хозяин вдруг спросил:

– Ты боксом не занимался?

– Нет, – ответил я.

– О! Сейчас покажу свои перчатки.

Принес перчатки, стал расхваливать их достоинства, а затем неожиданно предложил: "Хочешь, вдарю?". Не успел я ответить, как Витя мне «вдарил», да так лихо, что я упал. Наутро он стоял с женой перед дверью моей квартиры, сжимая в руках бутылку шампанского и букет, говорил: "Прости, старик, вот такой я чокнутый! бывает у меня, сам не рад, прости. Прости, больше никогда не повторится". И жена его Ира тоже просила прощения.

Действительно, в отношении сотрудников больше такого за Витей не припомню. Однако спустя годы, Виктор Георгиевич Горожанкин, уже директор филиала НИИ, возвратившись из командировки в Англию, сам рассказывал мне: "Знаешь, правду говорят, англичане нормальные люди, такие же как мы – я пьяный по морде получил от них".

Вот такое у человека горе. Но Витя был настоящим лидером и все его качества, исключительно положительные, приносили нам только пользу. Хотя ему самому этого почему-то казалось мало.

Вернемся однако к началу.

Первые дни Виктор с Олегом излагали мне идею, ради которой все и затевалось. Идея была очень амбициозной – создать комплекс, автоматически управляющий бурением. Оптимизировать процесс бурения для увеличения скорости проходки и повышения ресурса оборудования. Подобной проблемой занимались многие, но решения пока не находилось. Виктор надеялся найти его первым и убедил в возможности достижения этой цели высокое геофизическое и геологическое начальство, которое всячески помогало ему, желая со временем и само откусить кусочек пирога.

Для начала нам было необходимо своими руками сделать станцию параметров бурения – опыт работы на которой у Олега и Виктора был еще со времен совместной работы с ныне академиком РАЕН Лукьяновым Э. Е. Затем, обрабатывая данные станции при реальном бурении и увеличивая число доминирующих коэффициентов исключая случайные, и уточняя...

Короче, нам нужны были "умные головы" и "золотые руки", как можно скорее, и они нашлись. Сказать, что коллектив был замечательным – ничего не сказать. Все были прекрасными людьми, без намека на гонор (может, у Вити совсем чуть-чуть). Горожанкин видел всю проблему глобально. Он поручил каждому из нас определенное направление и, прекрасно ориентируясь в "подводных камнях" проблемы, зачастую сам помогал найти пути решения. А если возникали конкретные схемотехнические головоломки (это уже специфично), Виктор организовывал мозговой штурм. Происходил он примерно так: "Дудкин, кончай трепаться, давай доску", – говорил Виктор. Взяв в руки мел, затрудняющийся (любой из нас) излагал суть и где он «споткнулся». Все внимательно слушали. И практически всегда кто-нибудь, спросив докладчика: "А ты это пробовал?", предлагал свой вариант. Чаше других Олежка или Слава говорили: "Да это же элементарно!" И попадали в точку.

В лаборатории царил творческая атмосфера, к работе никто нас не принуждал. Витя всегда подчеркивал: "По себе знаю, зачастую на горшке думается продуктивней. Вход и выход с работы свободен всегда. Давайте установим время, допустим, с 12 до 15 часов, для совместного общения, а так находите, где хотите. Главное думайте, думайте". Мы так и делали, что совершенно не мешало при необходимости задерживаться на работе допоздна. Мы часто общались и вне работы, проводя вместе досуг. Дружили наши жены, дружили наши дети. Положа руку на сердце должен признаться, что меня всегда окружали люди умнее меня. Что бы я ни делал, всегда рядом был человек, который знал больше, бескорыстно помогал в решении любой задачи и подтягивал до своего уровня, будь она техническая или бытовая.

Приведу три примера, с участием Горожанкина и Олежки. В последствии, когда я в конце концов вернулся на "большую землю" и на мизерную зарплату старшего научного сотрудника, задумал купить свою первую иномарку, Виктор одолжил мне крупную сумму, попросив вернуть эти деньги, когда смогу его сыну студенту Харьковского университета.

А однажды я вынул из почтового ящика извещение на 5500 рублей (тогда стоимость ВАЗ-2101). Подумал – ошибка, такой суммы быть не может. На почте сказали: "Столько денег в кассе нет, соберем через три дня". Через три дня, запихивая пачку купюр в карман, я прочитал письменное сообщение за подписью Виктора на обороте извещения: "Был в Саратове на заводе «Геофизприбор». Суки – втихаря выпускают твой прибор. Поскандалил. Это гонорар за твое изобретение". *(Подчеркну, изобретение не совместное – только мое).*

И когда я «таксовал» по Ростову, в перестройку, и было совсем плохо с финансами, Олежка прилетел, и забрал меня в Нижневартовск, оплатив транспортные расходы. Тогда они с Горожанкиным зарабатывали хорошие деньги на установке и эксплуатации приборов учета расхода тепла, воды и газа промышленными предприятиями. Научили этому меня. С их помощью я стал заниматься тем же в Ростове. Это дело давало хороший доход. И до сих пор дает.

Но это события из будущего, а пока мы самозабвенно трудились. До этого, самого счастливого периода моей жизни я и не подозревал, что такой умный и могу решать серьезные задачи на уникальном уровне. Есть известный ответ на вопрос, что такое счастье – это, когда с радостью идешь на работу, а вечером с радостью домой. Думаю, похожее ощущение счастья было у каждого из моих коллег. Но природа сделала людей такими, что они никогда не удовлетворены полностью. Основная жизнь, для большинства из нас ассоциировалась с "большой землей". Витя приехал делать диссертацию, я – заработать на автомобиль, Олег и Юра – на жилье (опять же на "большой земле"). Там была Родина. Там. И когда мы с Дудкиным, тоже ростовчанином, начинали расхваливать Ростов, Витя перебивал нас:

– Замучили Ростовом, у меня сестра в нем живет, знаю я этот город. Давайте о Харькове расскажу.

– Да-а-а, Украина это прекрасно. Но и средняя полоса свой кайф, – вступал Олег.

– Это где? – спрашивал Юра.

– Ну, например, Ярославская область.

– Ха! Ты не знаешь, что такое Волхов, Ильмень – сколько грибов и ягод, да и вообще...

– Нет, мужики, средняя полоса – это средняя. Московская область – это да! – парировал Слава.

Но, редиска звала

Тоска по "большой земле" съедала. Хотелось редиски и каждый день видеть траву. Когда мы еще жили в вагончике и у его дверей непостижимым образом, среди песка и мха, вырастал клочок травы, наш ребенок садился на корточки, гладил его, как котенка, и приговаривал ласково: "Така, така!" А когда, впервые в жизни, в аэропорту Минеральных вод он подошел к огромным клумбам, видели бы вы его счастливые глаза и полные карманы цветочных лепестков. Ложась спать, сын вытаскивал их из одежды и клал под подушку. Как раз в это время я решил уезжать домой. Виктор возражал против увольнения и поставил два условия: "Только с согласия главного инженера КБ и только, если ты передашь завершение своей работы Саше, причем, твоей фамилии в заявке на изобретение не будет".

Забегая вперед, скажу – она была, рядом с Сашиной.

Так вот, я собрался уезжать, полетел в Тюмень; главный инженер к. т. н. А. В. Барычев убеждал: "Херней не занимайся, у тебя прекрасная работа, тянет на диссертацию. Я скоро защищаю докторскую, пойдешь со мной на соискание. Члены совета друзья, помогут. Уедешь кандидатом, легче дальше жить будет. И жена уговаривала, но я мечтал о траве и редиске. И надо такому же, снова на пути возник Миша Гончаренко.

Другая работа, с тем же запахом

Не знаю, откуда Олегу стало известно, что организуется геофизическая партия для обслуживания станций параметров бурения на разведочных буровых Ямала, начальником будет Миша. Вся партия «летающая». То есть месяц сидишь в тайге – в радиусе ста км или больше, не ступала нога человека), а два месяца находишься где угодно – дома, на "большой земле". Зарплата, больше чем сейчас, выплачивается ежемесячно. Электронщиков в городе мало, практически все знали друг друга. Слух о такой заманчивой работе прошел быстро, и многие переметнулись туда. Мы с Олегом тоже.

От Чернобая в новую партию пришел Сережа Ломоносов – очень эрудированный человек. Из треста геофизики – друг детства Олежки Коля Бандурка, ас в математике, который написал не одно математическое обоснование к чужим диссертациям; от Коноплева – брат жены Горожанкина Сережа Косицин, физик, выпускник Харьковского университета. Это был костяк, который за срок не более шести месяцев обустроил несколько станций. И с "большой земли", непонятно как, подтягивались умные люди. Из Казахстана, Узбекистана, Томска, Омска, Куйбышева, Уфы, Свердловска. Набралось около двадцати человек. У каждого был свой характер и темперамент.

На станциях же, как в космосе, важна психологическая совместимость, а жить месяц в замкнутом пространстве тесного помещения, особенно зимой и в обществе одного человека? Я предпочитал работать или с Сережей Косициным, или с бесконфликтным Олежкой, который прощал мне многие ошибки и многому меня учил. Процесс бурения был непрерывным, поэтому спали мы по очереди. Однообразие быта и отдаленность от намеков цивилизации угнетала. С членами буровой бригады общались мало, только с мастером или геологами можно было найти общие темы. «Гегемон» же, в постоянном грохоте и грязи, общался на особом языке из междометий и мата. Эллочка людоедка по сравнению с ними – филолог. Попробуйте, например, определить, что означает выкрик "Э!... Твою мать!" А переводился он "Что ты делаешь, скотина?" А произнесенное с вопросительной интонацией: "Э?... Твою мать" уже переводилось "Вот видишь, как замечательно".

Надо иметь большой опыт общения с рабочими. «Гегемон», ругаясь матом с разной интонацией, протяженностью и душевностью, отображает все многообразие русского языка. Олежка восхищался широтой «лингвистических» познаний буровиков и конспектировал их речь.

– Если мы, допустим, будем писать мемуары, то обязательно составим словарь буровика. И еще я напишу, как ты, Банных, отправляясь на горшок, громко сообщая окружающим об этом, – говорил он.

– А я напишу, как ты часами ищешь очки, находящиеся в кармане, или как постоянно бросаешь курить, выпрашивая у окружающих не менее пачки в день.

– Правда? Вот ты зараза.

Далее и мы переходили на язык буровиков.

Кстати, год назад мы с Олегом, уже оба деды со стажем, ездили полюбоваться горами Кавказа. В конце поездки он сказал: "Противный ты стал старый, ворчишь много". А он, мне кажется, не изменился – такой же шустрый и жизнерадостный.

Да что говорить! Если у меня есть маленький внук, то Олег в шестидесятилетнем возрасте родил себе сына и таскает его за собой день и ночь. Друг без друга жить они не могут, и я ему завидую...

Ноябрьский район отличается от Нижневартовского и климатически. Это самая высокая точка Западно-Сибирской низменности. Болот практически нет, часто встречается песчаная почва. Растительность «переходная» от тайги к тундре, редкая, низкорослая, почти без валежника. Ходить легко и просторно по мягкому слою иголок хвой. Один раз наступил на что-то очень твердое, поднял – олени рога. Сейчас они служат вешалкой в бильярдной.

Осенью, в косых лучах солнца, если присесть на корточки, далеко видны серебристые красными пятнами поля поля брусники, а над ними ярко-оранжевые (моховики) или темно-коричневые (боровики) шляпки грибов. Даров природы вообще встречалось навалом, так как плотность населения здесь была почти нулевой. И всю эту первозданную природу нефтяники "резали по живому" бульдозерами, вертолетами, разливами нефти, солярки, нефтепроводами. Но разведочные буровые были немногочисленны и ущерб невелик.

Когда мы ходили в лес, самое опасное приключение – заблудиться. В тайге Вартовска было больше различных ориентиров: чаще буровые, есть лежневые дороги, действующие точки добычи, перекачивающие станции, чаще газопроводы и нефтепроводы, и если сумеешь идти в одном направлении, есть шанс выйти на них и спастись. Здесь же главное в походе – не потерять далеко слышимый звук дизель-генератора (сердца буровой) и направление, откуда он доносится; потеряв, можно идти сутками и выйти в никуда.

В начале зимы, когда мороз был еще терпим, а снега не с головой, мы на снегоступах ходили охотиться на глухарей. Риск заблудиться был минимален – далеко виднелись следы лыж. А глухарь вел себя так: насытившись кедровыми орехами, складывал крылья и с вершины дерева падал вниз, пробивая наст, чтобы отдохнуть в теплой снеговой норке. Иногда вход в нее был виден издали, иногда его засыпало снегом и укрытие становилось незаметным. Когда ты подходил близко, потревоженный глухарь, пытался взлететь. Массивная птица сначала с шумом выбрасывала наружу снег, потом делала разбег, чтобы подняться в воздух. Не промахнутся, времени было достаточно. Таким способом добывалось много особей, главное – чтобы не больше чем мог дотащить.

Еще один вид развлечения, который даже охотой назвать нельзя, – отстрел куропаток. Они крупной стаей питались на куче объедков из столовой в десяти метрах от нашей станции. Дальше, как в тире, кладешь ствол на открытую форточку, и после одного выстрела лежат несколько штук, остальные взлетают, но спустя минуты снова садятся. Между нами начиналась перебранка.

– Ну и объясни мне, зачем ты нащелкал их столько? Все помещение порохом провонял, – бурчал Сережа.

– Вот ты даешь. Я добытчик, обеспечил пропитанием, а он недоволен.

– Такой умный? Бери, сам и ощипывай.

Кончалось тем, что оставляли себе четыре, а остальных птиц дарили столовой к радости буровой бригады.

Работал с нами Саша из Куйбышева, интересная личность. Лет тридцати, крупный, с брюшком. Отпустил бороду, как Карл Маркс, по-моему, просто ленясь бриться. И в остальном он был ленив и медлителен, каждую свободную минуту старался поспать. Интересно, что, возвратившись из дома, Саша выглядел нормальным человеком, но на буровой быстро опускался до бича. Спал одетым в спецовку, не умывался, стоило больших усилий заставить его пойти хотя бы посмотреть на датчики и, тем более, уж не дай бог, поднять что-то тяжелое. Доходило до того, что иногда из положения лежа Саша просил меня: "Принеси пожрать чего-нибудь из столовой".

Когда наступала моя очередь спать, я с трудом будил его храпящего. Проснувшись, он долго широко зевал, чесал волосатое пузо и возмущался: "Вот тебе обидеть ласкового Шуру

– одна преступная радость". Несмотря на все, мы уживались дружно. Вот именно с Сашей однажды, набрав огромное количество скользких и тяжелых масляток, мы заблудились.

Надо отметить, что климат в тех краях очень уж резко континентальный. Тепло и солнце за минуты сменялось холодом и снегом, и тут же все таяло, и птички снова пели. Мы вышли в лес по теплой солнечной погоде. И вдруг сильнейший туман и мелкий-мелкий дождь промочили нас за минуты до состояния губки в ванной. А главное, мы не слышали буровую. Огонь развести не смогли, мнения, куда идти, разделились. Мы сразу, даже не успев испугаться, бросили тяжелые грибы и решили идти в одном направлении. Но в тумане где оно? Шли и шли, падая от усталости. Не помню, кто из нас сказал: «Значит, судьба нам умереть вместе». Оказалось, не судьба. Неожиданно Саша вскрикнул:

– Я видел буровую!

– У тебя галлюцинации?

– Да нет, правда.

– Видел или слышал? – уточнил я.

– Видел! Видел вышку вот там! Пробел в тумане, я видел вышку.

Пошли туда, и правда – буровая, но не наша. И туман, кстати, рассеялся, и вертолет летел на нашу точку. Через полчаса полета мы оказались на своей станции. Кто будет спорить, что пути Господни неисповедимы?

Хорошую штуку придумал Сикорский

Кстати о вертолетах.

Жизнь неосвоенного Севера невозможна без них. Маленькие Ми-8 перемещали людей, мелкие грузы, пищу, воду, топливо, большие Ми-6, Ми-10 – тяжелые грузы, вплоть до тракторов и огромных конструкций буровых установок или запорной арматуры. В городах Вартовске Сургуте, Ноябрьске, Уренгое надо было прийти на вертолетную базу, сказать диспетчеру, не называя фамилии, номер точки, куда лететь, и ждать, пока из громкоговорителя не донесется скороговорка: "Площадка шесть. Борт тридцать два – на пятнадцатую, тридцать седьмую, девятую". Прилетев на точку, вертолет касался земли, не выключая двигатель, бортмеханик громко кричал: "Пятнадцатая?". Затем он выбрасывал груз, кто-то из пассажиров спрыгивал на землю, а желающий улететь спрашивал: "На девятую?" И получал ответ – да или нет.

Все шло гладко до нелетной погоды. Тогда начинались неприятности. На буровой скапливались лишние люди, начинались перебои с продуктами, водой. Улетающие бедолаги сидели на своих баулах и напряженно прислушивались к вибрирующим звукам. "Вертолет!?" – радостный возглас. Все вскакивали. "Да нет, дизель", – опять обреченно садились. Снова похожий звук. О радость! (*Радость ли?*). Вдруг правда вертолет.

Из окна станции вижу, мой напарник Саша с огромным, как холодильник, рюкзаком, проваливаясь ниже колена в грязь, стремится к вертолету. Машина слегка коснулась земли, сбросив нам бочку воды. Толпа заорала: "На базу! На базу?" Бортмеханик показал один палец, счастливчик ввалился внутрь. Не Саша – другой. А Саша успел ухватиться за края люка, пытаясь подтянуться, но бортмеханик оттолкнул его ногами, сделав пилоту жест – давай вверх!

"Холодильник" плюхнулся в грязную воду. Саша сверху. С трудом он докарабкался до станции. Чуть не плача стоял у входа, пока я соскабливал с него грязь. Буровики позавидовали бы его виртуозным ругательствам – лишь час спустя Саша смог перейти на обычный язык. Улетел бедняга на третий день.

Очень ценная вещь

Я сам дважды попадал в жуткие истории с вертолетами. В первый раз мы оказались в переплете с Сережей Косициным.

Обязательно, надо было к вечеру попасть на буровую. Но когда мы подошли к объявленному борту, выяснилось, что вертолет берет подвеску и по инструкции людей брать нельзя. Стали уговаривать пилота, и он согласился. С нами летел еще один человек, как оказалось – буровой мастер, которому сопровождал какую-то громоздкую конструкцию. Мы трое дремали, а механик сквозь открытый люк в полу смотрел на поведение висящего груза. Неожиданно вертолет начало болтать из стороны в сторону, и пилот закричал механику: "Бросай железяку к черту!" Но мастер, хватая механика за руки, принялся орать:

- Вы что, с ума сошли? Нельзя бросать такую ценную вещь!
- Отойди, идиот, – сказал ему пилот.
- Заткнись! И давай лучше рули, – огрызнулся тот.
- Бросай быстрее, сейчас гробанемся! – взбешенно заорал пилот.

Механик нажал красный рычаг, вертолет резко прыгнул вверх и в бок. Не знаю, как выглядел я, а Сережа сильно побледнел и молчал. Но вертолет выровнялся и полетел спокойно. Только мастер продолжал возмущаться:

– Ну, суки, сволочи, что сделали скоты. Я тебя, падлу, на земле найду, – обращаясь к пилоту, повторил эту фразу несколько раз.

– Идиот, закрой рот, а то и тебя сейчас отправлю за борт охранять свою "ценную вещь", – успокоил его пилот.

На другой день мы беседовали с мастером:

- Ты что так взъерепенился в вертолете?
- Да вы не представляете, как эта штука мне была нужна.
- Он же жизни наши спас. А ты оскорбил человека.
- Понимаю. Я найду его обязательно, попрошу прощения и скажу спасибо.

Другой случай произошел в момент переброски большим вертолетом нашей станции. Моей задачей было подготовить ее к транспортировке, то есть все связать, закрепить, защитить от возможных повреждений в момент посадки. Закончил я работу к вечеру. Можно пойти поспать в бытовку буровиков. Но там противно – накурено, шумно, грязно. Конец лета, белые ночи прошли, вертолеты в темноте не работают, решил я, спокойно отдохну в станции, а утром отправлюсь в Ноябрьск.

Каков же был мой ужас, когда, проснувшись от грохота винтов, понял, что привязан тросом к летящей машине. Казалось, я ослеп. Перед глазами была только красная кнопка, на которую бортмеханик мог нажать. Но пилот "рулил хорошо" и, в конце концов, аккуратно поставил мою коробочку на землю. Теперь ясно, что Богу было угодно дать возможность дожить и мне, и Сергею, и Саше, до глубокой старости.

Вообще все, связанное с работой на разведочной буровой, носило экстремальный характер и требовало много физических и моральных сил. Однако коллектив был слаженным, взаимоотношения ровными и интересными.

Неприятности нам доставляла не столько работа, сколько дорога до неё, и обратно. Стандартный маршрут: Ростов – Москва – самолет, Москва – Тюмень – самолет, Тюмень – Нижневартовск – самолет, Нижневартовск – Пытьях – поезд ("бичевоз"), Пытьях – Ноябрьск – поезд ("бичевоз"), Ноябрьск – буровая – вертолет. Фу!...

Теоретически существовал прямой рейс Ростов—Нижневартовск, за несколько лет мне повезло быть его пассажиром пару раз. Летом билетов не было никогда и никогда, зимой нелет-

ная погода держалась чаще летной. Во всех перечисленных аэропортах, особенно северных, пассажирам приходилось ожидать вылета по нескольку суток, в основном стоя. В период отпусков, улетаю домой, я обычно, пробившись через стоглавую толпу, говорил тете в окошке: "Один билет в Европу". Главное – перевалить Урал, там проще, значительно проще. А вдобавок представьте себе такую ситуацию: прилетаешь вечером в Сургут с полными карманами денег зарплаты за три месяца и нигде не можешь купить еды – магазины закрыты, а общепита нет как такового.

И все же, в конце концов, я добираюсь до Москвы, а лучше домой. Все! У меня много денег, масса свободного времени и автомобиль! Красота!

Однако проходит время отгулов, и начинаешь думать о Севере и друзьях которые там «пашут». Вдыхаешь и снова устремляешься на запах багульника.

08. 2015

Меньшие братья наши

Сыну Боре и внуку Игорю посвящаю

Ждать появления нового котенка осталось не долго. В конце февраля, после темноты и сырости, как солнышко он появится в нашем доме. Боря с Игорем уже видели его: мордочка плоская, на груди оранжевое пятнышко, уши с заломом – шотландец. Умеет стоять «столбиком». Вся моя семья с нетерпением ждет пушистого друга и мы уверены, что полюбим его также, как и его предшественника Грея. Плошки для еды, воды, игрушки Грея ждут нового хозяина. Четвероногие друзья были у нас всегда, и я вспомнил сразу обо всех.

Кеша

Вся моя семья обожала собак. Мы думали, что любим только собак. Котов не замечали. В жизни собак имели четверых.

Когда сыну исполнилось пять лет (в 1981 году) нам кто-то подарил белого беспородного щенка, который став взрослым Кешей размером не превышал котенка. Мы любили его сильно, и он нас; всегда выкупан, расчесан, жизнерадостен и неутомим. Послушный нежный пес и замечательный пятилетний человек превратили нашу небольшую комнату общежития строителей в рай. Вся "мерзость бытия наших соседей по «общаге» и контингента на работе «проходила» мимо нас.

Вскоре мы переехали в большую квартиру. Радость! Но проблема – девятый этаж без лифта. Потому и стали позволять Кеше выходить гулять самостоятельно. Он вел себя правильно: тащил за одежду к двери, влюбленно смотрел в глаза просясь на улицу, повизгивал от нетерпения, и всячески демонстрировал виртуозное владение собственным хвостом. Удовлетворенный прогулкой Кеша возвращался, царапался в дверь и, радостно ворвавшись в дом скулил от счастья, вертелся юлой и пытался нас всех расцеловать. А хвост?! Знаете ли вы, что у счастливой собаки делает хвост? Думаю, видели. Но однажды Кеша не вернулся. Втроем ходили мы по темным дворам, ребенок плакал и звал: "Кеша! Кеша!" Но Кеша не отзывался. Он исчез.

Первую неделю трудно – тревога, беспомощность. Да что там – горе давило, все молчим, прислушиваемся к каждому шороху, глаза слезятся. Только месяцы спустя боль значительно утихла.

Идем с сыном, как-то вечером, по пустынной тропинке, а навстречу двое мужчин, оба в подпитии. У одного на поводке овчарка в наморднике, у другого на поводочке знакомая белая, но какая-то зачуханная, собачка. Я подумал было, что обознался. Но ребенок вдруг закричал: "Кеша!" Кеша вырвался и подбежал к нему с радостным лаем, Боря прижал его к лицу. Мне показалось, что у обоих текли слезы счастья. Но счастье не было долгим. Мужик вырвал Кешу.

– Что за дела? Какая Кеша? Отвалите! – сказал он угрожающе.

– Разве не видно, это наша собака? – ответил я.

Тогда другой снял у овчарки намордник положив пальцы на карабин поводка, пошатываясь произнес: "Что, в рыло захотели?" Ребенок кричал: "Папа, папа заведи Кешу! Папа заведи! Заведи папа!..". Знаю, я должен был бесстрашно победить всех троих, двоих человек и серьезную собаку настроенную агрессивно, показав себя сильным и смелым папой, но испугался – отступил. Совесть и стыд мучают до сих пор, спустя тридцать лет. Эта встреча оставила "глубокий шрам" в наших душах, моей и сына. Больше Кешу мы не видели...

Ферри

Север остался позади. Мы вернулись на «большую землю». Сын ходил в третий или четвертый класс и стал нас уговаривать приобрести ему собаку. Преодолев сопротивление мамы: "Вся квартира будет в шерсти. Кто будет за ним смотреть, гулять, кормить. Обуза на мою шею. Я знаю, чем это кончится", через клуб, взяли породистого щенка эрдельтерьера. Клубным собакам хозяева кличек не дают, в паспорте она уже вписана – Ферри.

Надо отдать должное, Боря прилежно и с радостью занимался собакой: кормил, купал, расчесывал, выгуливал на стадионе, учил простым командам, и даже, после занятий в школе, водил в "собачью школу".

Постепенно между нами и собакой установилась духовная связь. Удивительно, но пес, иногда, ставил нас в неловкое положение. Он слишком откровенно выказывал свою доброжелательность к нашему гостю, в отношении которого мы испытывали то же, или наоборот – ложился в сторонку и позой, взглядом, демонстрируя безразличие к тому, кто и нам был безразличен. Маловероятно, но мне казалось, что гость это видит и чувствует.

На собачьих выставках Ферик неизменно занимал призовое второе место. По мнению жюри, какая-то непропорциональность тела не дотягивала до золота...

Вспоминаю, как сквозь открытое окно, выходящее на школьный стадион, мы с женой смотрим, как наш Боря с собакой гордо вышагивают, а пес, понимая ответственность момента, демонстрирует свои награды.

Собирается группа взрослых и детей.

– Ой! Какой песик! А какая это порода? Эрдель? А как его зовут? Имя такое интересное, – говорят взрослые.

– Можно его погладить? Он не кусается? – спрашивают дети.

– Конечно можно, – важно отвечает Боря.

Затем медали снимаются, поводок отстегивается и Ферик начинает бегать за детьми (а они за ним), бабочками, воробьями, другими собаками. Смех, гвалт, куча мала.

После прогулки шумно вваливаются в квартиру. И мы все возбужденные, собираемся в прихожей. Ферик вращается вокруг собственной оси, но он воспитан и безропотно выполняет команду "Сидеть!", терпеливо ожидая окончания процесса мытья лап. После команды "Лежать!", он укладывается на своем коврик, смотрит счастливыми глазами, учащенно дышит, постукивая хвостом "Тук!.. Тук!.. Тук!.. Тук!..", затем успокаивается и внимательно следит за каждым нашим движением.

Боря поступил в мореходное училище. Дома только в увольнении. Мы работаем и редко гуляем с собакой, – плохо ему стало, очень грустит. Пришлось отправить его к моему отцу в г. Черкесск. В маленьком городе конкурентов у Ферика меньше, в местном клубе он «поднялся» до золота и титула главного производителя – зарабатывал деньги к собственному удовольствию. Сейчас его дети бегают по Карачаево-Черкессии. В графе «отец» у них написано: Ферри, Ростов-на-Дону.

Барсик

Прошло много времени. Сын женился, подрастал внук; построив дом в селе, мы переехали туда, оставив молодых в городе. Внука на выходные, а затем и на лето, привозили к нам. Ребенок резвился на газоне, наслаждался сельским воздухом и простором. Ясно, что домашний питомец стал необходим не только ему, но и нам. Хотелось собаку друга и защитника.

Как-то мой товарищ Гена, сказал: "Я в котельной, на Баррикадной, видел замечательного щенка, на овчарку похож, не хочешь взять его себе?"

Мы взяли.

Щенок был солиден: лапы массивные, уши торчком, по окрасу близок к овчарке, да и размером тоже, только хвост подвел – «бубликом», как у лайки. Все издали принимали его за овчарку. Дворняга, но я в шутку говорил, что учитывая его происхождение, полное имя звучит очень благородно: "Барс Геннадиевич Котельников-Баррикадный". Барсик, одним словом.

Когда Барсик стал взрослым, я построил ему вольер, а в центре вольера просторную будку. Гулял он по двору заросшему цветами, кустарниками, травой, деревьями и находил там массу любопытного. По винограднику псу бегать было запрещено – и он слушался, но спелый виноград с куста ел с удовольствием. Свои обязанности выполнял исправно – громко лаял и наводил ужас на потенциальных злоумышленников, к нам и внуку Игорю относился добродушно.

Поскольку собака беспородна, прививок ей не сделали, и то ли поэтому, то ли другим причинам через пять лет Барсик заболел, стал апатичен, смотрел тоскливо и, наконец, перестал есть. Привезенная из города ветеринар определила: "Спасенья уже нет, издохнет через несколько суток в страшных муках, гуманно было бы его усыпить". С ней поехали в ветлечебницу за жутким снадобьем. Не подозревая как это тяжело, я согласился сделать роковой укол сам. На обратном пути я видел не дорогу заснеженную и скользкую, а страшный шприц на пассажирском сидении.

"Вот сейчас протяну руку и выброшу его в окно, в снегу потом не найдешь, и весь кошмар закончится", – думал я, а в голове звучало:

– Укол сделать удобнее в бедро. Он просто уснет, через пятнадцать минут.

– А конвульсии?

– Незначительные, ему не будет больно, уйдете куда-то на время.

И казалось тошнотворным и специфическим запахом лечебницы заполнен весь салон автомобиля. "Гуманно то, что надо сделать", – успокаивал себя я.

Приехав, полчаса сидел на кухне, прикуривая сигарету от сигареты, не мог себя заставить подойти к собаке. Наконец набрался храбрости и вошел в вольер. Собака часто дышала, судорожно вздрагивая, смотрела на меня с надеждой затуманенным взглядом. С комком в горле, я перекрестил себя и собаку: "Господи, прости меня! Прости меня Барсик! Прощай, мой хороший!" – сказал вслух и воткнул иглу. Нажав на шток, выдавил всю жидкость.

Вернувшись на кухню, машинально бросил шприц в мусорное ведро, но началась истерика – я плакал, не имея сил остановиться, и жена плакала со мной. Повторял снова и снова: "Люба! Любочка, я убил его собственными руками! Я! Я! Убил его!" Люба давала мне вонючие капли и горячий чай, несколько раз я ходил умываться холодной водой, но снова и снова твердил: "Я убил его, убил, убил". Немного успокоившись, не стесняясь красных глаз и перекошенного лица, пошел просить соседа помочь. Барсика положили в мешок и похоронили в конце огорода. В сумерках шел обратно с пустыми руками. Спотыкаясь по пахоте, громко, неистово рыдал.

За жизнь было много потрясений – это страшное.

Щенок

А что время? Оно шло, конечно, шло, лечило и меняло. Мы старели, а внук вырослел и радовал нас. Однажды, положив ноги друг на друга, мы лежали с внуком в высокой весенней траве, отдыхая после рыбалки и наблюдая за беленьким ничейным щенком.

– О чем поговорим? – спросил Игорь.

– А обо всем.

– Дед! Давай возьмем белого щенка домой?

– Но он же совсем маленький, маму, наверное, сосет?

– Разве у нас нет молока в холодильнике? И жилище Барсика осталось. Зарастает травой.

– Может бабушка не захочет? От тебя помощи мало, ты же в школе, и к нам приезжаешь два раза в месяц.

– Нет. Бабушка захочет. У меня скоро каникулы и я буду к вам ездить чаще, чем к той бабушке.

Как тут не согласиться? – Да. Хорошо. А как его назовем? – спросил я.

– Он такой миленький. Давай – "Щенок"?

Щенок оказался грязным и «блохастым», но мы, произведя необходимые процедуры, сделали из него белоснежного красавца. Из маленького щенка он быстро превратился в крупную собаку и занял жилище Барсика.

Как и люди, животные имеют разные характеры. И хотя у нас большой двор для собачьих прогулок, но каждый раз, когда я открывал ворота, выезжая на улицу, собаки выскакивали наружу. Заставить Барсика вернуться несоставляло труда, но Щенок проявлял повышенную самостоятельность. Заманить его домой стоило больших усилий и терпения, были случаи длительных его отлучек. Наконец однажды он не вернулся. Люба сказала: "Жалко, конечно, но может оно и к лучшему, я устала постоянно варить ему еду, да и ты без особого рвения убираешь в вольере". Игорь горевал и долго ждал возвращения Щенка. Но, увы!

Грэй

Пришли к выводу, что всех удовлетворил бы котенок. В интернете Боря нашел маленький серый комочек, который мы с Любой, с трепетной осторожностью, в обувной коробке привезли домой. К котенку прилагался пакетик с «вискасом» для котят, пакет с наполнителем для туалета и собственнокотачий туалет.

Пока везли, уже начали влюбляться в него, а рассмотрев внимательно дома, поняли, что это чудо – наше любимое существо. Окрашен он был как тигренок, но полосы серые и белые, больше серого. Туловище по-детски непропорционально короткое, хвостик тоже. Шерсть фантастически мягкая, как плюш. Если его брали на руки, то он закрывал глазки и мурлыкал. Раньше я думал, так делают только взрослые коты.

Несколько первых дней котенок жалобно мяукал и обследовал территорию. Кстати, сразу поразил нас тем, что нашел свой туалет и присел на него, чем в глазах Любы вызвал большое уважение. Освоился быстро, и когда не спал, вел себя очень, ну очень активно. Подпрыгивал чуть ли не на полметра, затем смело падал на любое пятнышко на полу, делая вид, что охота прошла успешно. А уж про движущиеся объекты и говорить нечего. Чем мы ни были заняты, постоянно искали взглядом его, бесконечно любуясь позами и движениями. С кличкой сомнений не было вообще – кот английской породы, преобладает серый цвет, значит – Грэй (по-английски – серый).

Начался процесс его взросления и воспитания; как было сказано выше, проблема туалета решилась автоматически, а далее важнейшие моменты, что можно, а чего нет.

Например, прыгать на обеденный стол – категорически нельзя. Для лучшего усвоения периметр стола был протерт уксусом. Если соблазн оказывался велик и кот пересиливал отвращение перед уксусом, то кардинальная мера – обрызгивание водой из «пшикалки» для белья – вызывала паническое бегство.

Нельзя переступать порог зала и, тем более, наших спален. В наказание уксус, громкий хлопок в ладоши, обрызгивание водой.

Нельзя спать в зале на диване или кресле. Наказание то же.

Нельзя не приходиться на зов. Сначала – "кис-кис...?", потом – "Грей, кис-кис", под конец просто – "Грей! Грей!" За исполнение награда вкусняшкой и погладить.

Кот становился старше, послушнее, умнее, быстро набирал вес, туловище его сделалось пропорциональнее, он уже меньше уделял времени пустой беготне, больше игре в охоту. Наконец поймал мышь и, поигравшись с ней, съел. Кнут и пряник эффективно делали свое дело. Экзамен на солидного юношу Греем был сдан.

Постепенно выделил себе любимые места в доме: спал на стуле в кухне или бильярдном столе, часами сосредотачивал свое внимание на движущихся картинках в телевизоре или на вращающемся барабане стиральной машины. Кстати, с первых дней был очень терпим, дети делали с ним что хотели, и даже мы, взрослые, таскали его за хвост – никогда никого не поцарапал. Удивительно!

Нежное взаимопонимание усиливалось с каждым днем. Как только Боря переступал порог дома, слышался его громкий возглас: "Кот! Ты где? Иди, будем фотографироваться". И начиналась фотосессия. Всей семьей восхищались рассматривая снимки кота: вот он лежит в одной позе, другой, третьей, вот он в прыжке, в броске, а это он облизывается, а это он зевает, а это он ест, спит. "А это вот! Вот мяукает, просит молока". "Ой, прям молока?" – выражал сомнение Боря. "Да точно тебе говорю", – убеждал я.

Теперь открывает дверь Игорь: "Кот, иди сюда". Грей приходит: "Кот, если бы ты знал, как я рад тебя видеть". Они валяются на ковер; Игорь тербит лаская кота как хочет, а тот радостно мурлычет и извивается во все стороны.

Мы научились понимать его язык. Базовое слово у него было одно – «мяу» (у собак больше: лай, визг, скулеж, вой, рычание, всякие вздохи и хрипы), но это слово имеет такое многообразие значений и тембров, что чей словарь богаче, можно спорить: от «мяу» – я проснулся до «мяу» – хочу молока (именно молока), а другого – звучит иначе. *(Правда, вышесказанное не относится к мартовским разговорам котом; но, наверное, я неправ, уж в интимной жизни, могут коты иметь тайны от людей?)*

Повзрослевшему и поумневшему коту стало возможным показать, что мир значительно шире. Начал он гулять во дворе. Сначала робко, а потом все смелее и дольше общался с растительным и животным миром. Оказалось, что есть другие коты и даже собаки. А в соседнем дворе, куда доступ открыт, живет кошка-сверстница Алиса, свободно приходившая к нам в гости, – и это было прекрасно. Надо видеть, как они играли!

Как позвать Грея домой? Да нет проблем: "Грей! Грей!" надо сказать громко, и он появлялся ниоткуда. Открываешь входную дверь с ласковым «заходи», и тут он вспоминает, что он – кот, гуляющий сам по себе. И заходит вальяжно, не спеша.

С появлением Грея атмосфера в доме стала спокойной, нежной и доброжелательной. Это правда, что, приласкав кота, человек получает огромный заряд положительных эмоций. Перед сном, например, Грей забирался мне или Любе на колени, для погладить и помурлыкать. После этого в душе "летали бабочки", как от разговора шепотом с ребенком. Думаю, у кота тоже.

И вот, в повествовании, наступил момент написать страшное "однажды".

Однажды, когда на улице темно, в 20 часов семнадцатого декабря 2015 года, Люба пошла звать Грея домой. Вернувшись, говорит: " Вот засранец, пришел на ступеньки, а следом Алиска, развернулись оба и убежали в темноту".

– Не переживай, вернется сейчас, – успокоил я.

И буквально через несколько минут, заходит к нам сосед со словами: " У нас во дворе лежит ваш кот. То ли ранен, то ли мертв".

– Приготовь тряпку, надо положить его в тепло, – помню, выбегая, сказал я.

Грей лежал на боку вытянув лапки, я взял за них и спиной вниз, еще плохо понимая, что уже произошло, принес его на крыльцо. Заметил, что тело почти свободно гнулось, а из носа вытекло две капли слабо окрашенных в цвет крови. Оставил кота. Вошел в прихожую.

– Что!?? – спросила Люба.

– Он мертв, – ответил я.

" Зачем же бросил на ступеньках, – подумал, – отнесу к сараям, утром похороню".

Вышел, отнес. Вернулся.

" Нет, надо закопать сейчас, ночью его собаки обидят", – абсурдная мысль.

Взял фонарик, лопату, пакет и стал засовывать в него уже деревенеющее тело кота. Шел в темноте по грязи огорода, огромные комья налипали на ботинки; выкопал яму, положил туда свою ношу, сказал: "Прощай Грей, прощай мой хороший".

И тут ужас, возникнув, где то в ступнях ног, быстро поднялся до головы. Подумал: "Я схожу с ума?" Слезы потекли ручьем. Закапывал яму не чувствуя веса лопаты и сопротивления комьев грязи, было ощущение, что я стою рядом и смотрю, как это делает другой человек. Возвращаясь, с трудом нашел калитку.

На кухне Люба плакала, мы стали рыдать оба, не находя сил успокаивать друг друга. Ночью просыпался несколько раз от мысли: " Где Грей? О ужас! Он же мертв". Шел в туалет, казалось: "Да вот же он, пробежал по лестнице. Фу, какая чушь мне приснилась. Да нет, нет. Нет! Его!!!" На кухне сильный запах валерьянки – это Люба не спит (она гипертоник). Да-а-а, к семидесяти годам нервы расшатались, сам испугался своего состояния, настолько сильной и длительной боли.

Следующие три-четыре дня мы оба ходили практически молча, встречаясь взглядами, сразу начинали плакать, в моей голове стучало: «Грэй-Грэй-Грэй». По утрам мысленно я «проигрывал» детали произошедшего, уговаривая себя не делать этого, и шел на могилу. Возникали порывы раскопать ее. Думал: "Поспешил, зарыл живого? Ну хорошо – мертвого, тогда еще раз посмотрю на него". Но сдерживался.

Дополнительная мука – как рассказать внуку? Наступали выходные, он должен приехать в гости, к нам и когу. Мы позвонили сыну и невестке, попросили не привозить Игоря. Решили, что в выходной день он побудет с мамой, и она ему скажет сама, но у нее не хватило решимости; прошла еще неделя, за два дня до нового года сказала. Игорь плакал сутки.

Ребенок же, у него нервы крепче. В новогоднюю ночь он сидел грустным, а затем фейерверк на лужайке, подарки, и начал улыбаться, слава Богу. Мы с женой, особенно я, страдали почти месяц. Постепенно кошмар отпустил.

* * *

В начале января обратились туда, где брали нашего кота. И, надо же, мистика! Оказывается, в день гибели Грэя та же мама-кошка родила котят – его младших братьев и сестер. Мы взяли брата.

Начинал я свой рассказ с того, что не более месяца ждать «нового» котенка, а заканчиваю, когда он уже, несколько дней бегаёт по нашей кухне. Только строение черепа, как у Грэя, в остальном – другой. Порода та же – «шотландец». И мы неизбежно начинаем в него влюбляться, и атмосфера в доме теплеет. "Бабочки в душе еще не летают", – но будут.

Большой процент людей никогда не заводил в своем доме "братьев наших меньших", а некоторые их в упор не замечают. Они не знают горечи потерь милых существ, но, зато и не испытали радостей общения с ними. Оглянитесь вокруг, приласкайте животное. Нужны нам они – очень!

02.2016

Назидательная история

И автомобиль мой был престижный, и номерной знак "О 040 ОО" вызывал зависть. Можно спорить, давало ли это преимущества на дороге, но на мою психику автовладельца воздействовало, бесспорно, – и не лучшим образом. Часто вспоминается случай, время от времени всплывающий из глубины памяти темным пятном. Так и хочется вздохнуть – "Ох, грехи наши тяжкие!" Рассказ задумывал вести от третьего лица, но перед чистым листом Word(a) палец завис над клавишей «Я». И я решился. Пусть этот рассказ будет не только назиданием, а и дополнительным покаянием.

Я несколько раз позволял себе садиться за руль автомобиля выпивши, и каждый раз «проносило». Далеко, правда, не ездил, но безнаказанность же развращает. Или расслабляет? Или лишает тормозов? Или провоцирует думать, что ты хоть и дальний, но родственник Господа? Как бы там ни было, каждый очередной и безнаказанный случай добавлял мне преступной самоуверенности.

* * *

Мой близкий друг Дима разошелся с женой и жил один в крошечном домике садоводческого товарищества. Сегодня у него день рождения, а в гости никто не приедет. Зима на улице. Холодно ему там и тоскливо. Он сам приготовил угощение, какое смог, страдалец. Ну как тут оставить одного в такой день? Мы вдвоем с женой хотели поехать и поздравить, но случилось так, что она приболела и, снабдив меня салатами, пирожками и еще какой-то снедью отправила одного со словами: " Еды вам хватит. Ну, спиртное ваша забота. Утром проснешься – сразу домой".

Наш вечер у Димы прошел великолепно: никто ни в чем не ограничивал, переговорено обо всем, пели песни, читали стихи, даже плясали. Казалось бы, все – спать пора, третий час. И вот тут тот самый внезапный черт, и выскочил, собака.

– Дима, ты знаешь, я подумал и решил ехать спать домой, прости старик, но поеду, – заявил я.

– Чиконулся? На ногах не стоишь. Дополнительных неприятностей хочешь? Ум потерял дурак, – разумно говорил он.

– Но что тут страшного? Ехать же десять минут, – казалось логично, парировал я.

– Я тебя не пущу, – сказал Дима агрессивно, заслоняя дорогу.

– Зачем же, после такого приятного вечера будем ссориться, а я так тебя люблю?

– Да хрен с тобой, делай что хочешь, только потом не говори, что я не удерживал, – сдался он.

Короче, поехал я.

До дома оставалось метров пятьсот, машин практически нет, за окном промозглый снег с дождем, щетка стеклоочистителя противно скрипит. Я вожделенно представлял себя в тепле спальни, рядом с женой. Вдруг по встречной полосе проехал автомобиль ГАИ. " Фу, черт вас носит. Только встречи с вами не хватало", – с облегчением подумал я. Но они развернулись и, подрезав, заставили меня остановиться, – теплая постелька откладывалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.